
ВСЕМИРНАЯ КАМПАНИЯ ПРОТИВ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ
ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ
ПОДДЕРЖИМ
МОСКОВСКИЙ
МИРУ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 28 ИЮЛЬ 1976

ВО

Проводы на аэродроме Шенефельд.

Телефото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС).

Встреча на Шереметьевском аэродроме. Фото А. Гостева.

ИМЯ МИРА НА ЗЕМЛЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 28 (2557)

10 ИЮЛЯ 1976

30 июня в Берлине завершилась Конференция коммунистических и рабочих партий Европы. Форум европейских коммунистов ознаменовался полным успехом. Принят итоговый документ, основывающийся на принципах марксизма-ленинизма,— «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе».

Берлинская конференция четко указала на главные революционные силы — социалистические государства, рабочее движение стран капитала, национально-освободительное движение,— способные вместе со всеми демократическими миролюбивыми силами преодолеть сопротивление реакции, предотвратить возникновение мировой войны. Она продемонстрировала неразрывную связь борьбы за мир с борьбой за социальный прогресс, волю коммунистических и рабочих партий отстаивать дело демократии и социализма с учетом обстановки и национальных традиций в различных странах и общих закономерностей исторического развития.

Конференция в Берлине отразила главное: стремление братских партий при полном уважении равноправия и самостоятельности друг друга, отдавая себе отчет в различии условий, в которых они борются, всемерно укреплять товарищеские связи, сотрудничать еще более конструктивно, еще более тесно и сплоченно.

Делегация Коммунистической партии Советского Союза, принимавшая в Берлине участие в Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, 1 июля возвратилась в Москву.

Делегацию возглавлял Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. В состав делегации входили кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев.

Московский завод «Борец». Станочники цеха № 2 обсуждают итоги берлинской Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Слева направо: В. Гаврилов, Д. Меньшиков, А. Храмеев, А. Макаров, Ю. Терешин.

Фото И. Гаврилова.

ПЛОДОТВОРНЫЙ ФОРУМ

С большим вниманием и интересом я следил за сообщениями о ходе берлинской Конференции. И это не удивительно. Каждый из нас, рабочих завода строительных машин имени Л. Варыньского, отдает себе отчет в том, что это одно из самых больших политических событий года, которое, несомненно, окажет большое влияние на международную атмосферу. Представители самых прогрессивных общественных сил нашего континента приняли в Берлине важный документ, который касается любого из нас. Сам факт проведения такого форума свидетельствует о том, что коммунистические и рабочие партии Европы сознают свою огромную ответственность за интересы рабочего класса и сознают свою растущую силу; Европа сегодня — континент, на котором особенно сильны позиции социализма.

Благодаря последовательной политике разрядки Европа из очага грозной опасности войны превратилась в континент, где последовательно осуществляется сотрудничество стран разных социальных систем. Нас, поляков, которые так много выстрадали в минувшей мировой войне, вопросы безопасности, сотрудничества и мира особенно волнуют. Вот почему я от всего сердца приветствую итоги Конференции. Думаю, что и мы, рабочие, можем включиться в реализацию решений этого исторического форума. Каким образом? Прежде всего усиленным, добросовестным, повседневным трудом. Потому что труд был, есть и всегда будет главной силой рабочего класса.

Юзеф Гурецкий,
бригадир завода

Варшава.

ВСЕНАРОДНАЯ ПОДДЕРЖКА

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Медики — представители одной из самых гуманных профессий. И мы, ученые-медики, как весь советский народ, горячо одобряем благородную деятельность нашего правительства, Коммунистической партии Советского Союза и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, направленную на то, чтобы отвести угрозу новой мировой войны, сделать процесс разрядки напряженности между государствами необратимым.

С особым вниманием следили мы за работой Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, которая стала значительным этапом в борьбе народов за мир, безопасность, международное сотрудничество и социальный прогресс. Речь товарища Л. И. Брежнева на этой Конференции осветила главное направление борьбы народов, еще раз подтвердила ленинские принципы миролюбивой политики Советского государства.

Наши мысли — о мире, о том, как успешнее выполнить задачи пятилетки, намеченные XXV съездом КПСС. Наш Институт эндокринологии и обменных веществ Министерства здравоохранения УССР изучает сложнейший механизм действия гормонов, регуляторов многих жизненно важных процессов человеческого организма. Работы ученых института, в том числе создание новых лечебных препаратов, исключительно важны. В нынешнем году заканчивается строительство нового клинического корпуса. На митинге, посвященном окончанию работы берлинской Конференции коммунистических и рабочих партий Европы, сотрудники института одобрили деятельность делегации КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым и обязались еще настойчивее работать на благо советских людей.

Н. ТРОНЬКО,
кандидат медицинских наук

Киев.

ОДОБРЯЕМ!

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы — событие, исключительно важное в борьбе за мир, безопасность народов и социальный прогресс. Все наши колхозники и я в том числе горячо одобряем принятый Конференцией документ, выводы и положения, содержащиеся в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева на этой Конференции.

В итоговом документе Конференции сказано, что мирное сосуществование не ограничивает возможности рабочего класса капиталистических стран бороться за социальный прогресс. Это правильно. Поддерживаем такой вывод.

Мы сознаем, что рост успехов Советского Союза на мировой арене теснейшим образом связан с решением наших внутренних экономических задач. Труженики колхоза «Прогресс» с воодушевлением работают над выполнением решений XXV съезда партии и социалистических обязательств, принятых на первый год десятой пятилетки. Сейчас успешно ведется заготовка кормов. Техника и люди готовы к уборке урожая.

Так колхозники по-своему укрепляют плацдарм для мира.

А. ДУБКО,
председатель колхоза «Прогресс», Гродненской области, депутат Верховного Совета Белорусской ССР

Гродненская область.

Эрнандо УРТАДО,
член Исполкома Коммунистической партии Колумбии, депутат парламента от КПК и Национального союза оппозиции

ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

Выступление товарища Л. И. Брежнева на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине — это документ огромного политического значения. В нем дан обстоятельный анализ кардинальных проблем современности, в частности, подчеркивается значение, которое имеет для народов Европы и всей земли борьба за мир, за разоружение, разрядку международной напряженности.

В настоящее время единственной политикой, полностью отвечающей жизненным интересам народов, является политика мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Перемены, которые произошли в Европе и на других континентах в пользу мира, очевидны. Решающую роль в этих переменах сыграла борьба рабочего класса, коммунистических и рабочих партий. На мой взгляд, немаловажно и то, что в своей речи товарищ Брежнев указал на препятствия, которые встают на пути политики мира.

Это — сопротивление, оказываемое со стороны самых агрессивных кругов американского империализма и монополий капиталистических стран Европы, стремящихся продолжать получать огромные прибыли от производства и торговли оружием. С реакционными силами США и капиталистической Европы смыкаются также позиции нынешнего руководства Пекина.

Конференция коммунистических и рабочих партий Европы и решения, принятые на ней, позволят ускорить осуществление совместных задач борьбы за мир, мирное сосуществование, разрядку международной напряженности, демократию и социализм. Речь идет об общем деле всех коммунистов, и это нисколько не противоречит выработке тактики и стратегической линии каждой партии, отвечающих специфическим условиям каждой страны.

Замечательные экономические, социальные, культурные и политические преобразования, которых добились трудящиеся СССР, являются постоянным стимулом для трудящихся капиталистических стран, борющихся в обстановке растущей безработицы, социальной необеспеченности и усиливающейся инфляции. Такова обстановка в Колумбии, где широкие массы трудящихся все больше осознают, что в условиях капитализма не может быть никакого решения их проблем. Успехи социализма в СССР и других социалистических странах являются очень важным фактором достижения прогресса в нашей борьбе за демократию и подлинную национальную независимость.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЬЕТНАМ: НОВЫЙ ЭТАП РЕВОЛЮЦИИ

Сергей АФОНИН

На политической карте мира появилось новое название страны, народ которой стал ее полновластным хозяином, — Социалистическая Республика Вьетнам. Это важное событие подводит итог долголетней борьбе вьетнамского народа за независимость, свободу и единство своей родины. Оно знаменует начало нового исторического этапа в развитии воссоединенного Вьетнама по пути социализма.

Реальностью стала сокровенная мечта героического народа. Вдохновленные идеями Великой Октябрьской социалистической революции, вьетнамские коммунисты, в ряду которых первым был выдающийся деятель международного коммунистического движения Хо Ши Мин, указали верный путь национального и социального освобождения. Колониальная и полуфеодальная страна вырвалась из мрака прошлого в историческом 1945 году, когда вьетнамский народ успешно свершил Августовскую революцию.

Рожденная в те памятные для всего человечества дни, Демократическая Республика Вьетнам стала первым государством рабочих и крестьян в Юго-Восточной Азии. Становление молодой республики проходило в непрерывной борьбе против чужеземных интервентов. Но ничто не могло заставить вьетнамский народ свернуть с избранного им пути. Он дал решительный бой в защиту своей независимости и свободы, разгромил французских колонизаторов и изгнал со своей земли американских агрессоров.

Попытки империалистических сил разделить Вьетнам и увековечить этот раздел потерпели крах. В сердце каждого вьетнамского патриота жили слова Хо Ши Мина: «Вьетнам един, вьетнамский народ един», «нет ничего дороже независимости и свободы».

Много раз я видел эти слова, начертанные на стволах зенитных орудий, на станках, работавших в эвакуированных цехах, на бортах грузовиков, которые доставляли боеприпасы и продовольствие на переднюю линию огня. Никогда не забудутся встречи с мужественным народом, который в годину тяжелейших испытаний твердо верил в победу и делал все для ее приближения. И никогда не забудутся слова признательности, которые я слышал в адрес нашего государства за его действенную поддержку и помощь сражающимся патриотам.

Каждая поездка в эту страну оставляет неизгладимые впечатления. Так было и совсем недавно, когда я увидел уже полностью освобожденный Вьетнам, который с огромным подъемом шел навстречу выборам в Национальное собрание. Гордость за одержанную победу, уверенность в том, что воссоединенный Вьетнам станет сильным, процветающим социалистическим государством, и братское расположение к своим верным, надежным друзьям — вот что пронизывало каждую нашу беседу и каждую встречу.

Фундамент светлого будущего — это прежде всего социалистические завоевания вьетнамского народа, которые он, отстояв в борьбе, повседневно умножает самоотверженным трудом.

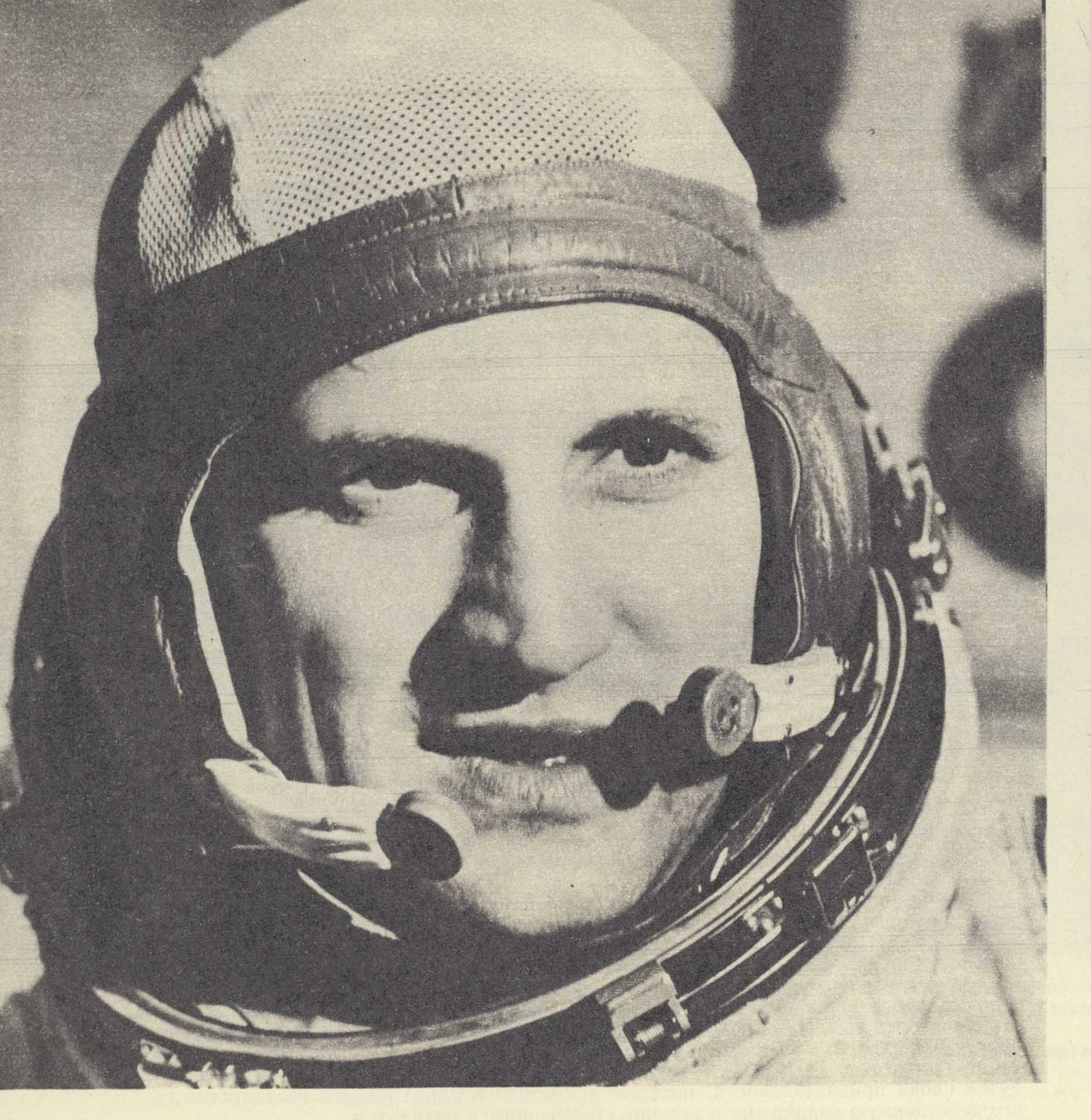
За прошедшие годы существования ДРВ накоплен немалый опыт в осуществлении социалистической революции, созданы социалистические производственные отношения, и это имеет первостепенное значение для преобразований, начатых в Южном Вьетнаме сразу же после его освобождения.

Как отметил Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама товарищ Ле Зуан, Вьетнам, завоевав мир, независимость и единство, развивается под руководством ПТВ и осуществляет политику диктатуры пролетариата, прочного союза рабочего класса и крестьянства на основе национального единого фронта и революционной власти народа. Сегодня в стране осуществляется переход от мелкотоварного к крупному социалистическому производству, минуя этап капиталистического развития. Боевой, испытанный авангард рабочего класса и народа страны — Партия трудящихся Вьетнама разрабатывает, опираясь на общие закономерности строительства нового общества и опыт братских социалистических стран, научно обоснованную программу построения социализма. Важнейшее звено этой программы — завершение воссоединения Вьетнама, что должно упрочить политическую независимость страны, создать условия для развития социалистической экономики и укрепления обороноспособности нового государства, а также повысить его международный авторитет.

И вот совсем недавно сессия Национального собрания единого Вьетнама законодательным путем закрепила воссоединение страны и провозгласила ее Социалистической Республикой Вьетнам.

Разделяя с вьетнамскими друзьями их торжество, советские люди выражают твердую уверенность в том, что вьетнамский народ осуществит все задачи, выдвигаемые ПТВ, и превратит свою родину в высокоразвитое социалистическое государство. «Мы верим, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — что в наши дни, когда существует могучее социалистическое содружество, живая действенная сила солидарности социалистических государств станет хорошим подспорьем вьетнамскому народу в его борьбе за быстрое восстановление народного хозяйства и дальнейшее продвижение вперед по пути социализма».

Солидарность с Вьетнамом была и остается для нас велением сердца и разума. Это вновь подтвердила прошедшая в эти знаменательные дни Неделя советско-вьетнамской дружбы. Радостно видеть, что героический вьетнамский народ, добившийся свободы и независимости, уверенно идет по пути мира и счастья, всемерно укрепляя свою родину — важный форпост социализма в Юго-Восточной Азии, и вносит активный вклад в борьбу народов Азии и всего мира за прочный мир, национальную независимость и социальный прогресс.

В ПОЛЕТЕ «СОЮ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

В соответствии с программой исследований в околоземном космическом пространстве 6 июля 1976 года в 15 часов 09 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз-21», пилотируемого экипажем в составе командира корабля Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР полковника Волынова Бориса Валентиновича и бортинженера подполковника-инженера Жолобова Виталия Михайловича.

Программой полета корабля «Союз-21» предусматривается проведение совместных экспериментов с орбитальной научной станцией «Салют-5», выведенной на околоземную орбиту 22 июня 1976 года.

По докладам экипажа и данным телеметрической информации, бортовые системы корабля работают нормально. Космонавты товарищи Волынов и Жолобов приступили к выполнению программы полета.

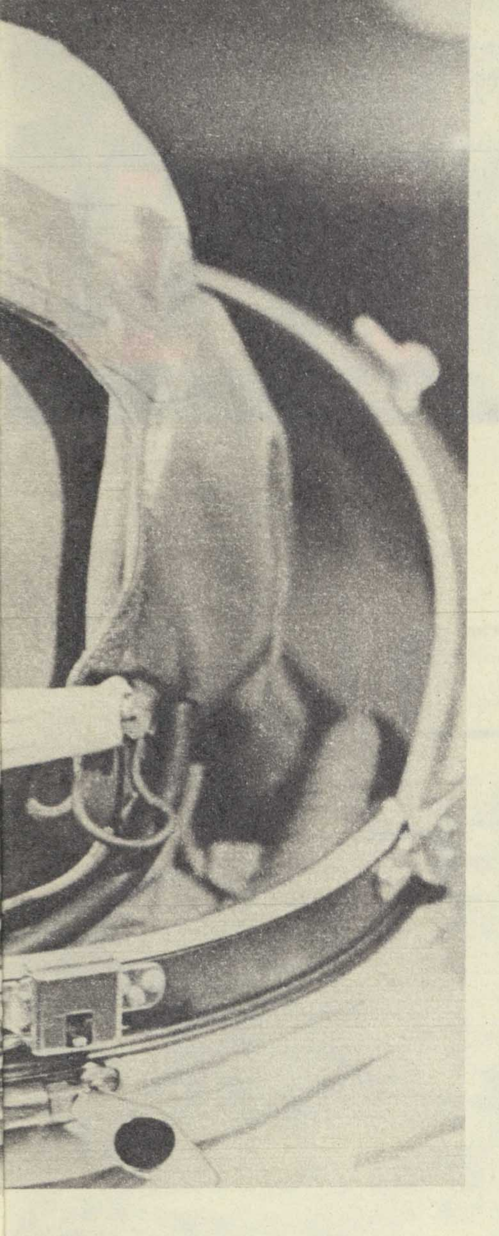
КОСМИЧЕСКИЙ ЭК

В. ЛЕВСКИЙ

Недавно экипаж «Союза-21» — Борис Волынов и Виталий Жолобов вместе с режиссерами телевидения просматривали записанные на пленку телевизионные репортажи с борта корабля других космонавтов — их предшественников. Они внимательно слушали режиссеров, высказывали свое мнение, вновь и вновь просили повторить те или иные сюжеты. Давно уж окончился рабочий день космонавтов. До отъезда на космодром оставалась неделя, в которой уже не было выходных. А они все сидели у монитора и вглядывались в экран пристально, как в видеоконтрольное устройство комплексного тренажера в Центре подготовки космонавтов. Это был важный момент их земного «полета»... Сейчас они в полете космическом.

КОМАНДИР

Таковым Борис Волынов является по «штатному расписанию» экипажа. Но прежде всего, как утверждают психологи Центра под-

...з-21»

На снимках:
Командир экипажа космического корабля «Союз-21» летчик-космонавт СССР Борис Валентинович Волынов (слева) и бортинженер Виталий Михайлович Жолобов.

Фото А. Пушкарева (ТАСС).

...ипаж

...готовки космонавтов, он таков по природе, складу характера — «лидер». Это у Волынова от воспитания, от судьбы да и от генов, наверное. Трудно представить его иным.

Семь с половиной лет назад он открыл счет своим космическим виткам. Но кажется, что было это очень давно. Время чувствуешь, осознаешь в событиях, на которых оно отбивает четкие метки. А на космической шкале времени их так много за эти семь с половиной лет.

Путь Бориса Волынова в авиацию, жизнь в ней, затем путь в космонавтику и судьба космонавта помечены печатью особых трудов и трудностей, причем с самого начала, когда он еще только устремился в летное училище, а его не брали — не призывной возраст. Потом брали, но не в летчики, как он хотел, а в штурманы. Каждый раз он добивался своего.

Вряд ли кто еще бывал столько раз дублером космонавтов, отправлявшихся в полет. Но еще в те давние времена, когда вместе с Гагариным он пришел в отряд космонавтов, Волынов записал в дневнике: «Надо уметь ждать».

Герман Титов так говорит о Волынове: «Вместе с нами к полету готовился дублер Валерия Быковского — красивый, высокий молодой человек с ясными глазами и темными волнистыми волосами; он все делал спокойно, рассудительно, видимо, хорошо усвоив истину, что в жизни ничто не дается легко».

Январь 1969-го, первый космический полет Бориса. Его отправляли с легкой душой. Владимир Шаталов сказал об экипаже «Союза-5»: «Я убежден, что мы никогда еще не имели столь блестяще подготовленный и тщательно тренированный экипаж». Командиром был Борис Волынов. К той своей космической экспедиции он готовился девять лет.

Перед этим на «Союзе-4» стартовал Шаталов. Через сутки на «Союзе-5» — Б. Волынов, Е. Хрунов и А. Елисеев. Им предстояло сделать беспримерное. Они состыковали корабли. Затем Хрунов с Елисеевым, надев скафандры, вышли в открытый космос и, проработав там около часа, стали экипажем «Союза-4». Так и возвратились на Землю. Это был выдающийся полет.

И снова работа. Время меняло технику. Техника меняла людей, которые готовились к будущим стартам. Отправлялись в космос друзья, он оставался, ждал, «болел» за них и... совершал «полеты» на Земле.

Кто лучше космонавта может подсказать с Земли верное решение людям в космосе, помочь разобраться в неувязке и, наконец, просто перемолвиться по душам? При полете станции «Салют-3» оператором наземной связи был Волынов — профессионал высокого класса.

Помню, тогда в Центре управления договорился с ним о встрече один известный журналист. И опоздал. Минут на пять, не больше—это считается в рамках «международного этикета». Журналист пришел — Бориса Валентиновича уже не было. Журналист удивился, даже обиделся, и напрасно. У космонавтов отношение ко времени особенное, и Волынов не исключение.

Еще черта. Его шеф по медицинской программе рассказывал, что когда в распоряжение космонавтов поступил «Полином» — целый комбайн для всесторонних клинических исследований сердечно-сосудистой системы космонавтов в полете, Волынов освоил прибор поразительно быстро. Он не только разобрался в устройстве, но буквально замучил врачей и методистов сначала вопросами, а потом и конкретными предложениями по уточнению или даже изменению отдельных методик.

Ладить с Борисом Валентиновичем не просто. Но только тем, кто привык к необязательности, разбросанности. Есть люди, требовательные к другим и более либеральные к себе. Есть наоборот. У Волынова в этом плане стрелка, пожалуй, на нуле — равновесие. Правильно это или нет — мнения разные. Но само дело от такого характера командира не в проигрыше, и это главное.

Он из тех, кто в критическую минуту сохранит ясную и холодную голову и будет думать прежде всего о долге.

Слава не могла испортить Бориса Волынова — он знает ей цену. Но, главное, знает цену себе. Все экзаменационные комиссии перед нынешним полетом давали ему высшие оценки, как и семь с половиной лет назад, когда он впервые поднялся в космос.

БОРТИНЖЕНЕР

Родился он в селе Збурьевка, на Херсонщине. Там ныне живут старики Жолобовы. Но сам Виталий Михайлович считает себя бакинцем.

Отец, Михаил Гаврилович, капитан танкера на Каспии, надеялся, что тот сделает морскую профессию потомственной, «жолобовской». И все, казалось, шло к этому. Летние каникулы мальчишка неизменно проводил с отцом в плаваниях. Пропитывался соленым воздухом, постигал нелегкий морской труд. Любимым местом Виталика на танкере было машинное отделение.

Однажды в сорок девятом году их перегруженное судно попало в двенадцатибалльный шторм. Волны ломали надпалубные постройки, вышибали мощные металлические двери, сорвали шлюпки. Ворвались в кают-компанию и вдребезги разнесли мебель, пианино. В капитанской каюте, где находился двенадцатилетний Виталий с братом, вышибло иллюминатор. Каюта наполнилась водой.

Забежавший на секунду отец приказал ребятам не высовывать носы наружу, не сходить с места. Они и не сходили. Сидели на диване и... мастерили рогатки.

Через несколько часов шторм утих. Вернувшись домой, трое Жолобовых ничего не сказали матери о происшедшем, чтоб в следующий раз снова уйти в море и не волновать ее.

Виталий мечтал открывать неизведанное и пошел учиться на геолога. Но вскоре — резкий поворот судьбы. В двадцать два года выпускник Азербайджанского института нефти и химии получает диплом с записью: «Автоматизация процессов контроля на нефтехимических предприятиях».

Автоматика и телемеханика — специальность широкая. По окончании института ему предложили пойти работать в армию. Лейтенант Жолобов стал инженером-испытателем новой техники. Еще через три года он узнал о наборе в отряд космонавтов.

Когда я спросил его, чем объяснить столь неожиданные решения и повороты в его жизни, он пожал плечами: «Вряд ли буду оригинален, если скажу, что все дело в неудовлетворенности тем, что у тебя есть, в поиске лучшего, еще более интересного».

25 января 1963 года он прибыл в отряд. На вечере в честь новичков он очутился среди тех, кого так хорошо знал по фотографиям, и тех, кому еще предстояло лететь в космос. Вечер прошел тепло и весело. Потом Гагарин взглянул на часы и сказал: «Завтра с утра на аэродром, пора расходиться». Так началась для Жолобова новая жизнь.

Виталий Жолобов стал хорошим парашютистом, получил первый спортивный разряд. Но вдруг тяжелейшая травма — разрыв связок коленного сустава. Сроки лечения он сокращал себе сам — время торопило.

Один из его друзей заметил о нем очень точно: «Он игровик». А что такое спортсмен-игровик? Это человек, склонный к импровизации, к молниеносному принятию решений. И, что не менее важно, личность коллективная. Жолобов — кандидат в мастера спорта по волейболу.

Позапрошлый год был для Виталия Михайловича особенно трудным. Он был допущен к полету в космос и назначен дублером бортинженера станции «Салют-3». Одновременно оканчивал Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Командиров обычно не выбирают, но Волынова он, можно сказать, выбрал себе сам. Они уже долго были знакомы, когда однажды Виталий сказал Борису: хорошо бы им вдвоем сесть «в одну лодку».

Они не ошиблись друг в друге. На комплексных тренировках, когда все, как в реальном полете, они почти не обменивались репликами. А это верный признак сработанности экипажа.

— Борис приучил меня к тому,— сказал мне перед отлетом бортинженер, — что любой пункт инструкции должен быть продуман, осознан, прочувствован до мелочей. Что нет в подготовке дел второстепенных, потому что нет их в космосе. Я по своему складу не столь категоричен, как он, но, мне кажется, я заметно изменился в этом отношении, и спасибо Борису.

А вот «категоричный» и пунктуальный командир считает одним из важнейших деловых качеств бортинженера чувство юмора и добрый нрав.

Когда Виталий Жолобов подвергался испытаниям в сурдокамере, то гораздо чаще, чем другие космонавты, выходил на связь с внешним миром (связь, конечно, одностороннюю: мы тебя слышим, ты нас нет). Так проявляла себя, как говорят психологи, «экстравертность» его натуры — потребность постоянного общения с людьми.

Виталий и жадный чтец, и грибник, и охотник, и рыбак, и технарь-всеумелец, готовый целый день пролежать под машиной, помогая товарищу. Но только все это пришлось почти забыть: время торопило.

В период предполетных экзаменов на комплексном тренажере ему досталось много «нештатных ситуаций». Каждый раз требовалось быстро находить единственно правильное решение. И Виталий не подводил своего командира.

За работой экипажа корабля наблюдали не только методисты Центра подготовки космонавтов, но и представители Главного конструктора. Теперь они спокойно слушают доклады Бориса Волынова и Виталия Жолобова с орбиты...

ХЛЕБ ПОШ

Бригадный агроном колхоза имени Кирова коммунист В. С. Талаев и комбайнеры А. В. Иванисов и И. И. Барков.

Хлеб Дона. Автоколонна колхоза имени Кирова, Песчанокопского района.

ПРИЗЫВ МИЛЛИОНОВ

— Мы хорошо знаем смысл короткого и страшного слова «война». Мы знаем, сколько страданий, горя и бед несет она людям. Вот почему нам так дорог мир — бесценное достояние человечества.

Он верный страж этого бесценного достояния, рабочий человек П. Х. Сикерский с ремонтного завода Московского метрополитена. У него есть все основания говорить о страшных бедах войны: он ее участник, он ее ветеран. И потому особенно взволнованно прозвучала речь его на митинге, посвященном подписанию нового Стокгольмского воззвания Всемирного Совета Мира за прекращение гонки вооружений, за разоружение.

Миллионы советских людей подписывают ныне историческое это воззвание. Вот и на этом снимке: воззвание подписывают рабочие московского производственного объединения «Пролетарский труд». И каждая подпись, как набат: Люди! Берегите мир, остановите гонку вооружений!

Это мощный голос миролюбивого советского народа, его сынов и дочерей, стариков и молодых, женщин и мужчин. Они твердо верят в то, что мир может быть сохранен и упрочен.

Подписывая новое Стокгольмское воззвание, советские люди горячо одобряют внешнюю и внутреннюю политику нашего государства, горячо одобряют принятый на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы итоговый документ «За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе».

На многих предприятиях люди, подписывая воззвание, выносят решение провести субботник, а заработанные средства перечислить в Фонд мира.

Е Л

Н. БЫКОВ

Фото Н. Симонова

Дни первых намолотов, их так ждала страна! Зной ли, дождь ли, уборка нового урожая — это всегда праздник труда. Страда грохочущим фронтом охватила южные окраины хлебной степи. От вод быстрой Кубани до зеленых холмов Молдавии занялась битва за первое зерно десятой пятилетки. Автопоезда, груженные горохом, ячменем, днем и ночью мчатся к элеваторам. Уборочные звенья только что вошли и в половодье озимой пшеницы. Вести с полей радуют. Уборочные агрегаты теперь, как правило, приспособлены для косовицы на высоких скоростях. Агрономы с ходу определяют, где сначала валить хлеб, а где брать зерно напрямую — комбайнами. Шаблону в поле не место. Особенно там, где инициатива в руках строителей урожая. Они знают, как взять его быстро и без потерь.

В Ростовской области жатву вершат комплексно: сразу после подбора валков с поля волакивают солому, а на жнивье выходят могучие «Кировцы» с плугами. Ни дня, ни часа простоя, одна агротехническая операция следует за другой: технология обязывает.

Машина за машиной с первым намолотом уходят с полей. Не красные обозы — красные автоколонны!

Комбайнер А. Волчков.

ВЫСТАВКА «НИХОНГА» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

18 июня в ленинградском Эрмитаже открылась выставка «Современная японская живопись «Нихонга» из музея «Яматанэ». В течение трех месяцев она будет поочередно показана в Ленинграде, Киеве и Москве.

В Советском Союзе уже давно и хорошо знают японское искусство. За последние десять лет благодаря растущим культурным связям и организации ряда выставок советские зрители получили возможность шире узнать и оценить изобразительное искусство Японии. Замечательная выставка живописи и графики Хокусаи в 1966 году раскрыла для нас много нового в творчестве этого великого мастера. Выставка «Древняя и средневековая скульптура Японии» в 1969 году впервые позволила увидеть японскую пластику в ее многовековом развитии, и, наконец, выставка «Искусство японского быта» в 1974 году обогатила наши представления в области декоративного, прикладного искусства Японии.

Организатор новой выставки президент картинной галереи «Гекксо» Иоко Накамура, отвечая на вопросы журналистов во время пресс-конференции 9 июня в Токио, рассказала:

— Работы, представленные на этой выставке, являются наиболее значительными произведениями выдающихся современных мастеров школы «Нихонга». Основу экспозиции составляют произведения, созданные в послевоенные годы. Они покажут самые характерные особенности современной живописи Японии. Подбор экспонатов дает хорошую возможность сопоставить покой и движение, философскую углубленность во внутренний мир и яркую декоративность. Хотелось бы выразить надежду, что эта выставка будет тепло встречена советскими любителями живописи и поможет им лучше понять японский народ и японское искусство.

Токио. В. ДОМРАЧЕВ (АПН).

Иоко Накамура во время пресс-конференции.

Фото автора.

11 ИЮЛЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 55-Я ГОДОВЩИНА ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

СЕМЬЯ ЯДАМЖАВА

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

— Очень прошу, кто не имеет отношения к семье Ядамжава, отойдите, пожалуйста, в сторонку! — уже в который раз говорю я. Толпа вокруг нас редеет на минуту, другую и вновь смыкается плотным кольцом. Попробуй разберись, кто тут из семьи старого партизана, а кто просто так зашел сюда, в павильон Выставки народного творчества.

— Да ничего, дочка, своих я с чужими не спутаю! — успокаивает меня Жалцавын Ядамжав.

У него десять детей — шесть дочек и четыре сына. Если считать с внуками, правнуками, то сорок девять человек в этой семье. Сюда, на встречу с корреспондентами «Огонька», пришли только шестнадцать...

Мы попросили, чтобы Ядамжав и его дети рассказали о себе. После короткого семейного совета было решено, что начнет, конечно, отец.

— Мне уже скоро восемьдесят будет, а жена Дашдэлэг помоложе. У нее орден «Материнская слава» первой степени. Родом мы оба из Селенгинского аймака. Родители наши всю жизнь в нужде и бедности прожили. Про детство что вспомнишь? Работали от зари до зари. Хоть и был я единственным сыном, пришлось идти в услужение к местному богатею. Каждый арат должен был на него работать — пасти скот, таскать дрова, прислуживать в юрте. С утра до ночи гнул я спину, а спать хозяин велел, как собаке,— у него в ногах. Бывало, только засну, уморившись, он ткнет палкой: «Дрыхнешь? Ну-ка разотри мне спину!» Два года жил я у князя, оборвался весь, только и была одежда, что на плечах. Думал, куплю новый дели. Но не получил ничего. «Ты и твои родители еще мне не весь долг выплатили!» — вот и весь разговор.

Молился в храмах я усердно, да что толку! Так, наверное, и прожил бы без радости, если бы не встреча с Сухэ-Батором.

Жалцавын Ядамжав худощав, невысок, нетороплив в движениях и в разговоре. Его темно-коричневый шелковый халат-дели украшают ордена и медали.

— Зимой двадцать первого года я жил с родителями в тридцати километрах от Кяхты. И вот однажды к нам в юрту пришел человек, о котором в наших местах давно шел слух, будто он за бедняков вступился и собирает храбрых воинов в свой отряд. Это был Сухэ-Батор. Со своими товарищами он ездил от юрты к юрте и звал аратов сражаться с богатеями. Тогда я и увидел его. И решили мы с моим другом вступить в отряд.

В то время только создавалась в Монголии национальная армия, никто толком не знал военного дела. Обучал нас русский, коммунист.

Однажды в наш третий революционный полк приехал товарищ Чойбалсан. Он сказал: «Товарищи! Мы должны ликвидировать войска китайских милитаристов, которые засели в Маймачене, недалеко от Кяхты. Вечером двинемся на штурм. Сначала первый и второй полки пойдут в наступление, потом ваш. Соединимся в долине — и ударим!»

Так все и было. Утром сражение закончилось. Враг побежал, в городе установилась народная власть. Выстроили нас, и Сухэ-Батор объехал строй и всех благодарил от имени революции. Мне тогда исполнилось двадцать три года, а через шесть лет родился мой первенец, вот он — Намсарай!

Старший сын говорит по-русски:

— От нас, рожденных в первые годы революции, страна ожидала очень многого. Главное, нам поскорее нужно было получить знания. И мы учились взахлеб. В детстве и в юности примером для нас был отец. Он организовывал в аймаке ревсомольскую ячейку, когда я надел пионерский галстук. Он был председателем сомона, народным судьей и, где бы ни работал, учил нас приносить пользу родине. После школы отец посоветовал мне ехать учиться на инженера в Советский Союз. Я поступил в харьковский электротехнический, а закончил учебу в Киеве. Вернулся в Улан-Батор с первым в нашей семье дипломом и вскоре стал главным инженером электросети столицы.

В 33 года Намсарая избрали депутатом Великого Народного хурала, а через два года он стал заместителем министра легкой и пищевой промышленности. Он первым из этой большой семьи увидел, как велик мир. За эти годы Намсарай побывал во многих странах, работал в торгпредствах в Москве и Варшаве. Каждый раз, возвращаясь домой, убеждался, какой огромный скачок в культуре, науке совершила его Монголия.

— Это было не просто. Да, очень не просто. И если мы добились многого, то только потому, что всегда в трудные годы рядом были советские люди. Я считаю себя счастливым человеком,— говорит Намсарай.— На моих глазах Монголия вышла из юрты и шагнула в мир. У нас дипломатические отношения с семьюдесятью девятью странами.

Сейчас я работаю в министерстве внешней торговли над новым долгосрочным торговым соглашением с Советским Союзом. Вот только сегодня просматривал статьи экспорта и импорта и подумал: а ведь это соглашение — прекрасное свидетельство роста республики. Теперь мы уже начали экспортировать промышленные товары. А из СССР будем ввозить машинное оборудование для строек шестой пятилетки и в большом количестве холодильники, стиральные машины, телевизоры. Повышается жизненный уровень, меняется характер нашей торговли!

Заглянешь в завтрашний день страны — дух захватывает, столько интересных дел впереди! Вершить их будут вот они — мои младшие братья и сестры. Верно я говорю, Гонгор?

— Да, ты прав, Намсарай,— вступил в разговор средний сын Ядамжава.— Рассказывать о каждом из нас долго, я лучше буду говорить сразу обо всех. Ну, во-первых, кто мы такие? Строитель, два ювелира, нормировщица на войлочной фабрике, техник-механик, будущая учительница, студентка политехнического и, наконец, школьница Надмид.

Гонгор рассказывает, а я смотрю на младших. Все они, кроме Надмид, люди семейные, у всех по одному, а то и по двое ребятишек. Эта часть семьи Ядамжава владеет русским, и я спрашиваю, где и когда они его выучили.

— В школе, в институте. Я, например, в Алма-Ате, когда учился в индустриальном техникуме, а мой брат Ламжав заговорил по-русски в Архангельском строительном ПТУ,— отвечает Гонгор.— Как видите, дружба с Советским Союзом — традиция семьи. А скоро наша Нямдэлгэр закончит институт и будет преподавать русский язык...

— Что вы считаете своей главной жизненной задачей?

Этот вопрос вызвал бурное оживление.

— Пусть Гонгор говорит, он коммунист, ревсомольский секретарь,— посоветовал отец.

— Недавно закончился съезд партии, — начал средний сын. — У нас в семье четверо коммунистов — отец, брат, сестра и я. Что предстоит нам в шестой пятилетке? Целая техническая революция, и надо быть к ней готовыми!

— Верные слова,— кивает головой Жалцавын Ядамжав.— Я всегда говорю моим детям: нельзя стоять на месте. Надо шагать дальше. Теперь пришло время очень грамотных людей, значит, надо дальше учиться, для будущего Монголии.

— Будущее... А можно ли его уже сейчас представить? Кто из вас попытается нарисовать Монголию в... 2026 году?

Второкурсница Нямдэлгэр, та, что готовится преподавать русский, первой решилась перешагнуть через пять десятилетий.

— Я думаю,— сказала она,— что благодаря научно-технической революции и тесному сотрудничеству с социалистическими странами Монголия станет мощным индустриальным государством. Автоматизация глубоко проникнет во все области жизни и, конечно, изменит наш быт. У нас будет всеобщее обязательное высшее образование. Наука обогатится важными открытиями, и в космос мы тоже полетим!

Едва девушка замолчала, как из толпы, безмолвно следившей за этим семейным интервью, раздались аплодисменты. И старая женщина с орденом «Материнская слава» на груди, которая родила и воспитала эту милую девушку, ее братьев и сестер, произнесла единственные за эти часы слова:

— Жалко, что не дано человеку прожить хотя бы две жизни. Я тогда бы выбрала жизнь своих детей.

Улан-Батор — Москва.

Жалцавын Ядамжав и его жена Дашдэлэг (в центре) с детьми, внуками и правнуками.

Рембрандт Харменс ван Рейн. 1606—1669. ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА. 1662—1663.

Национальная картинная галерея. Вашингтон.

Ян Вермер Делфтский. 1632—1675. ДАМА, ПИШУЩАЯ ПИСЬМО. Ок. 1665. Национальная картинная галерея. Вашингтон.

Петр ГРАДОВ

ВИВА КАМАРАДАС!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ИСПАНСКИЕ ТОВАРИЩИ!

Прибывали
Дети из Испании.
Их встречать
Готовилась вся школа.
Написали мы
На нашем здании
ВИВА
КАМАРАДАС
ЭСПАНЬОЛЕС!
В беленьких рубашках,
Темнолицые,
Строем шли они,
За парой пара,
А в глазах
За черными ресницами
Полыхали
Отблески
Пожара.
Как солдаты шли,
Держа равнение.
Шли...
И вдруг
Я свой услышал голос.
Я кричал,
Бледнея от волнения:
ВИВА
КАМАРАДАС
ЭСПАНЬОЛЕС!
И потом
Сквозь годы и невзгоды
Эту встречу
Буду вспоминать я.
Дети
Легендарного народа
Станут мне родными,
Словно братья.
Санитаром
В госпиталь блокадный
Шел я по путевке комсомола,
Шел и вспоминал
Под вой снарядный —
ВИВА
КАМАРАДАС
ЭСПАНЬОЛЕС!
Камарада!
Велика вселенная.
Мы с тобою
Люди разных стран.
Только клятва наша
Неизменная:
«Нет фашизму!
Нет!
Но пасаран!»

Все равно
Когда-нибудь
В Мадриде
Будет,
Как тогда над нашей школой,
Высечено будет
На граните —
ВИВА
КАМАРАДАС
ЭСПАНЬОЛЕС!

ЗАМОК ИФ

Остров Иф — он с Марселем
рядом —
В золотую вписался осень.
Теплоходом идти не надо,
Катерок вас туда подбросит.

Он помчится, с волнами споря.
Море — взглядом его окинь-ка!
И над тем Средиземным морем
Синева посинее синьки.

Даже в пасмурный день на остров
Все туристы спешат упрямо.
Объясняется это просто —
Был тюрьмой знаменитый замок.

В каждой камере есть табличка—
Мол, за то-то и, мол, тогда-то
Граф такой-то иль герцог лично
Был здесь узником каземата.

В мрачной камере Монте-Кристо
Мы стоим, затаив дыханье.
Ох, наивный народ — туристы,
Даже с высшим образованьем.

Наши гиды авторитетно
Повторяют, как автоматы:
«В эту дырку (она с полметра)
Монте-Кристо пролез к аббату».

И занятно, и непонятно,
Где тут сказки, а где тут были?
Эту дырку-то, вероятно,
Для туристов киркой долбили.

Но о камере той угрюмой
Вспоминал я потом в Марселе —
То ли это Дюма придумал?
То ли было на самом деле?

А быть может, не важно это,
Был иль не был он —
Монте-Кристо.
Был Дюма! И со всей планеты
Собираются здесь туристы.

ВИНОВАТА ОНА — БЛОКАДА

Если хочется мне
Иногда помолчать
Среди шума,
Веселья
И радостных взглядов, —
Это прошлое
В дверь постучалось опять.
Виновата она —
Блокада.

Если я с той поры
Ничего не боюсь
(А чего мне бояться,
Вернувшись из ада?),
Если коркой последней
Всегда поделюсь,
Виновата она —
Блокада.

Если в тридцать четыре
Инфаркт у меня,—
Все в порядке вещей,
Удивляться не надо.
Понимают друзья,
Понимает родня,
Виновата она —
Блокада.

Верю в дружбу людскую.
Любая беда
Перед нею — ничто,
И любая преграда.
Эта вера во мне
С той поры
Навсегда.
Виновата она —
Блокада.

НЕ ЗАБУДУ

Мы,
Полуживые,
Опухшие,
Лежали в теплушках
На нарах.
Глаза,
Как коптилки потухшие,
Были у малых
И старых.

В висках отдаваясь гулко,
Колеса
Под нами
Бились.
А нам
Довоенные булки
С хрустящей корочкой
Снились.

На станции назначения
Открыли мы
Двери теплушек,
И сразу —
Солнце весеннее
В теплушки
И в наши души.

Речей и оркестров
Не было.
Стояли женщины
Вдоль перрона.
На подносах —
Ломтики хлеба,
Молоко
В стаканах граненых.

Как ангелы,
Только бескрылые,
Стояли женщины эти
И нам говорили:
— Милые!
Берите,
Да ешьте,
Да пейте.

А мы
И глазам не верили.
(Мечтали о том,
Как о чуде!)
Столпившись в теплушке
У двери,
Голодные плакали люди.

Пока я живу на свете,
Пока
Смотрю в это синее небо,
Не забуду
Я тот стакан молока,
Покрытый
Ломтиком
Хлеба.

ДОЧЕРИ

Ты рядом посиди немножко.
Люблю тепло твоей руки.
С чернильным пятнышком
ладошка —
Пять ручейков одной реки.

Когда ты рядом,
все в порядке.
Принять лекарство? Хорошо.
И даже кажется мне сладким
Безмерно горький порошок.

Ну вот и нет на сердце камня.
Но помогли не порошки.
Твоя ладошка помогла мне —
Пять ручейков одной реки.

наш
образ
жизни

ЗИЛ: СЛ

Пробы воздуха регулярно берутся во всех цехах. Лаборантка санитарно-техническои лаборатории А. Шарапова с мастером Б. Виноградовым на главном конвейере.

Нам доставляет большое удовлетворение тот факт, что в истекшей пятилетке только на повышение оплаты труда, пенсий и стипендий и на другие социальные мероприятия было направлено средств столько же, сколько за две предыдущие пятилетки, вместе взятые.

Из речи товарища
Л. И. БРЕЖНЕВА
на встрече с рабочими ЗИЛ.

О. ШМЕЛЕВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА.

[С]ЛУЖБА ЗДОРОВЬЯ

Что-то странное происходило с тридцативосьмилетним В. Он работал на Московском автомобильном заводе имени Лихачева уже тринадцатый год, стал квалифицированным заточником, все складывалось как нельзя лучше, и вдруг явилась нежданная беда — начали болеть руки. Тупая, ноющая, а иногда саднящая боль гнездилась в глубине мышц от кисти до предплечья. Если же проходила, то ее сменяло не менее неприятное чувство онемения. Самое же непонятное заключалось в том, что боль и онемение он испытывал только дома — вечером, ночью, рано утром. И никогда — на работе. Стоило включить станок и взяться за рукоятки — боль исчезала.

В. не видел пока причин обращаться к врачу, все надеялся и ждал: вот-вот кончится это непонятное состояние. Однако скорой встречи и разговора с врачами избежать не удалось. Дело в том, что с мая 1969 года на предприятиях страны действует приказ Министерства здравоохранения СССР № 400, который требует ежегодного периодического медицинского осмотра рабочих. Ведь встречаются же люди, относящиеся к своему здоровью если и не наплевательски, то довольно легкомысленно, таких в поликлинику калачом не заманишь. А тут хочешь не хочешь — пожалуй на прием, тебя тщательно обследуют, и коль обнаружится какой-то изъян, ему не дадут развиться в болезнь, ликвидируют в зачатке.

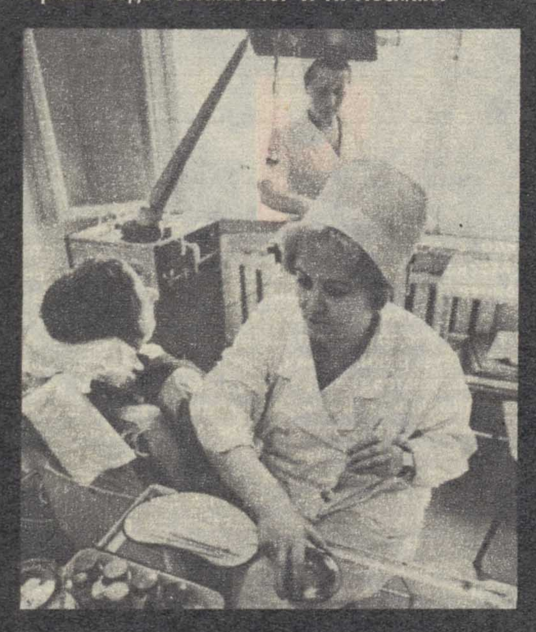
На Московском автомобильном заводе имени Лихачева служба здоровья неукоснительно следует предписаниям приказа № 400. И вообще вся работа поставлена здесь так, что даже самые хвалебные слова не отразят ни ее объема, ни того высокогуманного духа, который ею движет. Кое-какие свидетельства мы все-таки приведем, но несколько позже.

Рабочий имярек может и не знать, что заводская медсанчасть насчитывает 170 врачей и 343 медсестры, что каждый день она обслуживает до 3600 человек, что новая больница, которая строится в Ленино-Дачном, рассчитана более чем на тысячу коек. Но каждый рабочий явственно ощу-

Вячеслав Янович Шуберт.

Прием ведет стоматолог Т. П. Лескина.

Скоро закончится строительство заводской больницы в Ленино-Дачном.

щает постоянное внимание к себе, он чувствует, что его здоровье дорого заводу.

Потому можно смело утверждать, что заточник В. неизбежно должен был рано или поздно попасть, так сказать, под строгий надзор медицины. Но тут главное состояло именно в том, когда это произойдет — рано или поздно.

Явившись к цеховому врачу для очередного осмотра и отвечая на вопросы, В. упомянул о боли в руках. Симптомы заставили врача предположить так называемую вибрационную болезнь.

В. был направлен на консультацию в Институт гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР. Там диагноз подтвердился: начальные явления вибрационной болезни...

Сделаем небольшое отступление, чтобы коснуться очень непростой проблемы профессиональных заболеваний.

Человечество по мере своего развития, стремительно восходя по ступеням технического прогресса, одновременно — увы! — создает себе новые трудности. Ну какие, например, болезни, связанные с работой, могли быть у древнего пастуха или охотника, у рыбака или гончара? Впрочем, пастух мог простудиться, охотник — попасть в лапы зверю, рыбак — утонуть во время шторма, а у гончара, наверное, болели под старость пальцы. Но вот возникло книгопечатание, и появились у типографских рабочих специфические недуги, с которыми на первых порах никто не умел бороться. Возникли предприятия, связанные с производством различных веществ и материалов, побочно выделяющих мельчайшие частицы,— появились профессиональные заболевания силикоз и пылевой бронхит. Что касается вибрационной болезни, то о ее причинах говорит само название. Она возможна там, где человек работает в прямом контакте с машинами, механизмами и инструментами, генерирующими вибрацию, например, шлифовальной машиной, дающей до 30 тысяч оборотов в минуту, или рубильным молотком, который делает в минуту 2400 ударов.

Конечно, подавляющее большинство работающих с подобными механизмами и инструментами болезни не подвержено, но есть люди, которым сами особенности их организма мешают легко приспособиться к вибрации.

Так что же — издержки технического прогресса неизбежны, фатальны? Нет, безусловно. Все зависит от того, как государство относится к здоровью своих граждан.

Нетрудно догадаться, как сложилась бы судьба заточника В., будь он рабочим какого-нибудь концерна на Западе или за океаном. Скорее всего, он незамедлительно получил бы расчет и пополнил собою безнадежную очередь на бирже труда.

У В. судьба сложилась иначе.

После консультации в Институте АМН СССР ему было назначено лечение, носившее интенсивный характер,— тут и физиотерапия, и витаминотерапия, и многое другое. Все, разумеется, бесплатно.

Дело быстро пошло на поправку. В. свою работу не оставил.

— А что бы произошло, если бы болезнь не обнаружили еще на ранней стадии? — спросил я у Зои Владимировны Кеповой, заведующей профпатологическим отделением поликлиники автозавода.

Она улыбнулась.

— Не обнаружить не могли.

— Но все-таки представим такой предположительный случай.

— Тогда года через полтора-два В. вынужден был бы получить инвалидность третьей группы и перейти на менее квалифицированную работу.

В. по сей день работает на своем прежнем месте. Симптомы болезни давным-давно исчезли, он здоров.

Врачи нашли действенное средство профилактики вибрационной болезни: в цехах появились вихревые ванны для гидропроцедур. Два раза в день — во время обеденного перерыва и после смены — слесари по штампам, обрубщики, заточники, рабочие других специальностей по десять минут держат руки в этих ваннах, и вода массирует их. Очень полезная вещь.

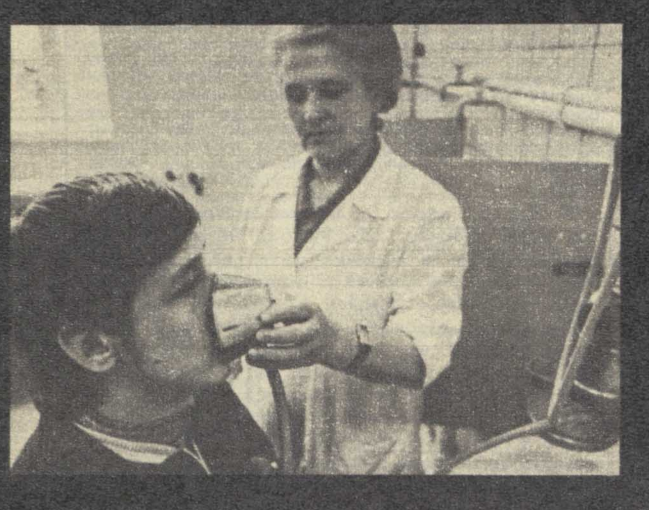
Ничего удивительного, что за девятую пятилетку количество профессиональных заболеваний на заводе снизилось на шестьдесят три процента. Скучное, сухое слово «профилактика», но для заслуженного врача РСФСР Вячеслава Яновича Шуберта, главного врача медсанчасти завода, оно наполнено огромным гуманным смыслом.

Лишнее говорить, что тут и лечат великолепно и научную работу ведут. Специалисты медсанчасти первыми в стране начали широко применять в условиях поликлиники фиброгастроскопию, которая помогает точно ставить ран-

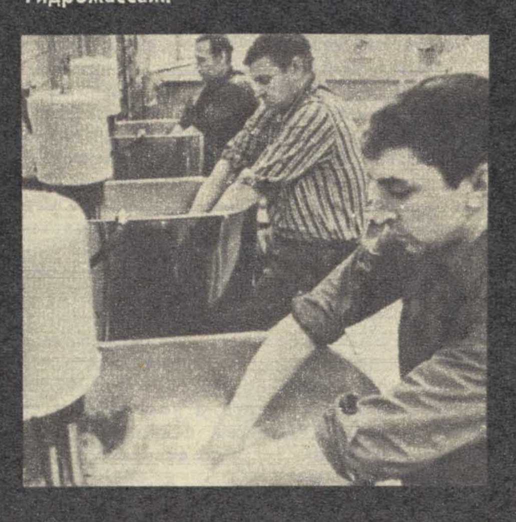

Чтобы узнать, как работает сердечно-сосудистая система пациента под нагрузкой, электрокардиограмма делается прямо в цеху.

Цеховой ингаляторий.

Гидромассаж.

ний диагноз болезни пищевода или желудка.

Хлопот у главного врача, конечно же, хватает, но Вячеслав Янович знает, что все его замыслы относительно ближайших месяцев и лет и более отдаленного будущего медсанчасти непременно осуществятся, потому что они основаны на плане социального развития завода, на способностях и глубокой преданности делу его соратников и коллег, таких, как цеховые врачи Таисия Ивановна Волошинова, Тамара Петровна Островидова и Светлана Федоровна Воронова. Замыслы эти реальны, потому что на содержание заводской службы здоровья государство тратит более двух миллионов рублей в год, а в дальнейшем эта сумма увеличится.

...В коридоре я остановил молодого, лет двадцати, паренька. Он только что вышел от стоматолога и, может быть, именно поэтому был в очень хорошем настроении. Я сказал ему:

— Какая прекрасная у вас поликлиника!

Он пожал плечами и удивленно взглянул на меня: мол, с луны, что ли, свалился?

— Нормально...

Все правильно: нормально, привычно, будто век так было. А слово восхищения звучит как бы даже неуместно, принимается молодым человеком с недоумением. В таком случае предоставим высказаться тем, кто увидел все это свежим глазом, увидел впервые.

«Я очень восхищен организацией лечебной и профилактической помощи на этом огромном промышленном предприятии. Я убежден, что д-р Шуберт оказывает наилучшую помощь рабочим («д-р Шуберт» надо понимать собирательно. Автор записи имел, конечно, в виду возглавляемую Вячеславом Яновичем медсанчасть.— О. Ш.). Такая медицинская организация является чрезвычайно интересным примером.

Д-р Р. Бриджман,
руководитель отдела медицинского обслуживания
Всемирной организации здравоохранения (Женева)».

«Совместная делегация Социалистической медицинской ассоциации, Конфедерации работников здравоохранения Англии и Союза практикующих врачей счастлива выразить свою признательность за прием, оказанный в этой поликлинике... На нас произвела большое впечатление забота о здоровье рабочих.

Д-р Г. Мерред, Р. Викертер, Л. Хиллард, Х. Фолкнер, О. Эккерс, Э. Банбери».

«Эта клиника производит очень большое впечатление. Она отлично оборудована и оснащена ради заботы о здоровье рабочих завода. Заслуживает похвалы внимание, уделяемое профилактике заболеваний и профзаболеваний.

Марта Питл (США)».

Записи в книге отзывов сделаны в разное время, но объективно говорят об одном и том же. А вот письмо, присланное директором Национального института психиатрии США С. Бертрамом Брауном:

«Мы хотели бы поблагодарить вас за ваш теплый прием и ознакомительную экскурсию во время нашего недавнего визита в Москву. Нам было очень интересно увидеть, как организованы службы здоровья и психиатрическая служба на таком большом индустриальном предприятии, каким является ваш прекрасный завод. Мы много читали о вашей медицинской службе, но то, что мы увидели, помогло нам лучше понять многое. Все члены нашей делегации согласны в том, что это был весьма интересный визит».

Так судят о нашей действительности приезжие люди, если они настроены не предвзято. Тут остается только прибавить: со стороны виднее.

свидетельствует пресса

Что стоит визит к врачу

«Затраты американцев на медицинское обслуживание возрастают в астрономических масштабах» — такими словами американский журнал «Ю С ньюс энд уорлд рипорт» начинает статью, рассказывающую о состоянии здравоохранения в США, являющегося в значительной степени одной из отраслей частного бизнеса.

Как явствует из доклада президентского совета по вопросам стабильности заработной платы и цен, американскому пациенту выбирать не приходится — он целиком и полностью экономически зависит от своего врача, который определяет не только метод, но и стоимость лечения. Авторы доклада называют создавшуюся ситуацию «серьезной социальной проблемой».

А вот несколько выводов, содержащихся в этом документе:

— Рост расходов на медицинское обслуживание значительно опережает темпы инфляции.

— Чем выше суммы налогов на здравоохранение, тем болезненнее сказывается это на бюджете отдельной американской семьи.

— Стоимость медицинского обслуживания в обозримом будущем резко повысится.

По данным американских министерств здравоохранения и труда, расходы американцев на медицинское обслуживание возросли с 1965 года на 102 процента; визит врача или посещение амбулатории стоили в 1974 году 20 долларов по сравнению с 13 в 1969 году; стоимость обследования инфарктного больного в 1971 году составила 3280 долларов (в 1964 году — 1449).

Стоимость медицинского обслуживания в США неуклонно растет, и, по мнению журнала, просвета не предвидится. Увеличение же субсидий на здравоохранение по линии социального страхования или за счет расширения правительственных программ в конечном итоге ляжет на плечи того же «среднего» американца дополнительным налоговым бременем.

А. КИРИЛЛОВ

красота человеческая

КРУПИЦЫ ДОБРА

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**

Случилось так, что они в санатории оказались соседями по палате — директор металлургического завода и Борис Александрович Костяков. Вскоре у них нашлись общие темы для разговора. Оба, например, любили спорт. Директор увлекался теннисом, но сейчас из-за болезни играть не мог. А Костяков предпочитал бег и плавание. Ими он занимался вопреки своему болезненному состоянию,— сказывались фронтовые годы,— и признавал только свою методу: чем он будет безжалостнее к себе, тем скорее поправится. Каждое утро уминал он дорожки санаторного сада, а иногда вырывался, как он говорил, на оперативный простор, за ворота. И тогда приносил охапки пахучих цветов. До завтрака он успевал расставить букеты: самый большой — на полу, возле двери, чтоб можно было любоваться и лежа. К приходу нянечки, ворчливо бубнившей: «Опять натаскал мусора»,— палата играла всеми красками луга и благоухала.

Директору это нравилось, он сам очень любил природу и с интересом присматривался к этому уже немолодому, но энергичному, крепкому, широкому в кости человеку. Бывший фронтовик, теперь снабженец, весь в делах, Борис Александрович Костяков как будто далек от всего этого — и вдруг цветы, нежная любовь к травушке... Откуда это у него?

Однажды сосед разговорился:

— Жили мы на Кишме, есть такая небольшая речонка, в Оку впадает. Бывало, матушка разбудит меня на зорьке, четыре часа еще, пар от реки идет, а мы уже собираемся. Матушка с веслом, я на корме. Красота такая, что не передать. Вода розовая, тихая. Птицы заливаются. Причалим к лужайке, траву косим. А полянки то малиновые, то белые, и земляника красными бусинами... Возвращались к вечеру. Надо было накосить пять пудов травы. Больше наш ботичнек не брал. За лето сто ездок, никак нельзя меньше, иначе корове сена на зиму не хватит. Из мужиков я старший у матушки был, как у Некрасова, помните? «А кой тебе годик?» «Шестой миновал». И мне шесть исполнилось, когда отец умер.

— Да, тяжело в те годы деревня жила,— вспомнил что-то свое директор.

— Так я ведь в непростом селе родился, в Ворсме. Знаменитое место. У Ленина в «Развитии капитализма в России» есть строки про него. У нас кустари по обработке металла промышляли. Ножи делали. На этих самых ножиках и мы с братом подрабатывали. В подвале колесо крутили, на котором лезвие затачивают. Огромное такое. Час покрутишь — руки отваливаются. Мы с Сергеем, братом, приспособились. Он крутит — я уроки готовлю, я кручу — он читает. С той поры к физическому труду приучен. Да дед меня все закаливал. Бывало, из баньки выскочит — и в снег, катается в снегу и меня тащит: «Давай, давай, Борька!» Знаете, как выручала меня такая подготовка на фронте? Да и потом, после фронта, когда поступил в техникум. Я выносливый.

— С трудом давалась наука?..

— «С трудом» — не то слово. Два года мучился. Девчонкам четырнадцать — мне двадцать семь, а мы в одной группе. Те подходят к доске, раз-два — и ответ готов. Я обливаюсь потом, будто пушку толкаю. В голове туман, полный провал, ничего не помню. Сажусь за книги — глаза слипаются. Выскочу, снегом натрусь и снова за книги. Ночи не спал, но нагнал. Все нагнал!

— Молодец! — пробасил директор.— Крепкий характер.

— После техникума направили на Павловский автобусный завод, «пазики» делали. Начал мастером кузницы, дошел до начальника цеха и заместителя директора по производству. Однажды послали меня на Магнитку выколачивать очень нужный нам металл. Директор Магнитки, Воронов был им тогда, ко мне с уважением отнесся, особенно когда узнал, что я фронтовик. Все, что нам нужно было, распорядился без задержек отгрузить. Стали меня с тех пор в командировки посылать — в Запорожье несколько раз был, многих однополчан встретил. Кто на профсоюзной работе, кто кадрами занимается, кто в отделе труда и зарплаты... А потом получилось так, что и я насовсем сюда переехал. Предложили мне работу в «Монтажхимзащите» заместителем начальника управления по материальному снабжению. Согласился. Здесь, в комитете ветеранов войны, председателем секции 4-й танковой армии избрали. Тут я со всей душой, дело интересное, большое.

— А работа удовлетворяет?

— Как вам сказать? Не жалуюсь. Но и любви к ней особой нет.

— Знаешь что,— предложил ему однажды директор, когда они уже перешли на «ты».— Бросай свое снабжение, переходи на завод.

— Что я там буду делать?

— Производство ты знаешь,— сказал директор, имея в виду что-то свое. У него был талант распознавать в людях незаурядное, то, что другие не замечают.— Я задумал создать новый цех. Цех эстетики. Хочу, чтоб красота к нам пришла. Красные уголки, места отдыха, холлы — все это надо оформить, продумать интерьеры, экспозиции...

— Интерьеры, экспозиции,— автоматически повторил Костяков.— Я не готов! Что я в них понимаю? Тут нужен человек со специальным образованием. А я что? Не то! Не то!

— Специалистов и консультантов я тебе дам,— не отступал директор.— А ты возглавишь. Буду помогать. Пойми, людям нужна красота. Ты и за нее на нашей земле воевал.

Посеял директор в душе Костякова великое беспокойство. Не раз они еще беседовали, не вдруг он поддался уговорам. В конце концов решил поехать посмотреть завод. Вроде на экскурсию, без особых планов. Но получилось все не так, как ожидал директор.

Ходил Борис Александрович по цехам и удивлялся: какая же это черная металлургия? Цеха как лаборатории, тут и пальмы разрастутся. Дошла очередь до кузнечно-прессового. Это самый молодой на заводе цех, всего три года, как пустили, специальный корпус для него построили. Вошел Костяков и засомневался: туда ли он попал? Высота и простор — дворцовые.

Первое знакомство с «кузницей», можно сказать, произошло, но Костяков не собирался уходить. Его вниманием завладели громадные прессы и машины-роботы, снующие возле них. Всего семь человек обслуживало их, и он почему-то вспомнил, что и в его артиллерийском расчете тоже как раз было семь. Одна машина была построена в Рязани, другая — в ГДР.

Засмотрелся Костяков, как ловко эти машины своими длинными хоботами достают из печей апельсинового цвета слитки, плавно разворачиваются с ними на двести семьдесят градусов и аккуратно подают их прессам, заслушался знакомой и, казалось ему, забытой музыкой грохочущих ударов и не заметил, как поддался игре воображения. Длинный хобот манипулятора вроде бы вовсе и не хобот, а ствол пушки, и парень, который управляет им, не машинист, а заряжающий, и слитки не слитки, а снаряды. И тот парень в берете, который сидит у пульта пресса и командует, когда сделать удар, конечно, наводчик. Им мог бы быть Федя Кидалов. Мог бы!.. А он лежит где-то в немецкой земле и, может, совсем недалеко от того города, где построена шаржир-машина... Фронтовые годы стали для Костякова эталоном, по которому он выверял сейчас свою линию жизни. Бывает же так: живет человек, все идет своим чередом, по заведенному порядку. Но вот в один прекрасный день как бы луч света высвечивает его бытие, и он спохватывается: «Что же я раньше-то?..»

В отделе кадров долго рассматривали его трудовую книжку. «До выхода на пенсию по сроку работы в горячих цехах вам осталось всего год и два месяца. С одной стороны, действительно имеет смысл доработать вам эти четырнадцать месяцев, но вы теряете в заработке рублей семьдесят в месяц». «Ну и что же? Проживем...» — отвечал он. Его остерегали: «Работа посменная, придется и ночью. Здоровьем вы похвастаться не можете...» «В бригадиры я уже не гожусь, а в сварщики на печь — готов! Только чтоб в строю!»

— Ну и наломал же ты дров! — схватился директор за голову, когда они остались одни в кабинете.— У тебя же техникум, начальником кузницы был, производством командовал. Я не имею права ставить тебя рабочим. Не могу!

Костяков горячился:

— У меня же огненная профессия. И по фронту и по гражданке. Там имел дело с огнем, и тут дело с огнем.

— Что ты предлагаешь? Что б я тебя, фронтовика, Героя Советского Союза, послал работать в три смены? По ночам? Мне та-аких шишек за это набьют!

— Дай ты мне доработать хотя бы год для стажа, как раз до праздника Победы. Дай развернуться! А потом хоть на интерьеры, куда хочешь!..

В конце концов порешили на том, что Костяков пойдет все же «на линию огня», как он упорно повторял, мастером.

— Что же касается цветов,— сказал он, уходя,— то они будут, не беспокойся, во всяком случае, в кузнице.

Цветы действительно в кузнечно-прессовом корпусе появились. Не успел новый мастер как следует утвердиться в должности, а в комнате мастеров уже стояли в горшочках традесканции, вьюнки и фиалки. Сначала отнеслись к ним скептически, заулыбались, вот, мол, какая причуда у человека! А потом стали ухаживать за ними, даже свои из дому принесли.

Как же утверждал себя новый мастер? Пришлось ему сломать устоявшийся ритм жизни и начинать, можно сказать, все заново.

«6 марта, среда. Сегодня у меня первая смена. Поднялся в 5.30, в 6.00 был в цехе,— записывал он в своем дневнике. Дневники он вел уже много лет, в год по толстой тетради с вырезками из газет, меткими высказываниями. Исписаны уже двенадцать таких «томов».— Походил по коридорам, почитал объявления,

стенды, приказы. Когда пришел заместитель начальника цеха, поднялся к нему. Он проинструктировал меня. До 18 числа буду в техотделе изучать технологию. Потом десять дней на линии вместе с мастером, после того, как он уйдет в отпуск, останусь один».

Не через две недели — уже через шесть дней Костяков надел каску, зеленую куртку и спустился вниз, на линию. Его жена знает, чего это ему стоило: как и в студенческие годы, сидел вечерами над книгами и схемами, прихватывая и ночь, но вставал все равно в пять тридцать; пока ехал в трамвае, опять читал, в обеденный перерыв тоже.

«14 марта. Пришел с третьей смены. Вот так, на 53-м году начал трудиться и ночью. До этого никогда не приходилось. Еле дотянул с непривычки до утра. На оперативке у начальника цеха под конец задремал. Оперативка шла долго, целый час, с утренней и ночной сменой. Очень слабо пока разбираюсь в деле».

Под делом он подразумевал великолепные прессы и машины и те сложные производственные отношения, которые складываются в процессе труда. Он не сомневался в том, что одолеет современную технику, организаторских же способностей ему было не занимать. По своему опыту уверился, что самое главное в работе — люди.

В смене две бригады, сорок человек. Есть инженеры и есть молодые ребята, которые еще учатся в вечерней школе. Надо всех их знать — характеры, склонности, привычки. С самого первого дня Костяков завел для себя список. Против каждой фамилии — имя и отчество, чтоб можно было к человеку обратиться, когда подаешь ему перед сменой руку; год рождения, чтоб знать, кого просто «Петром», а кого и «Ивановичем» величать; адрес, чтоб можно было наведаться к нему, посмотреть, как он живет, все ли ладно в семье. Со всеми Костяков нашел общий язык очень быстро, человек он общительный, с ходу умеет установить контакт с людьми. Но вот есть в смене Аркадий К., с ним такого контакта не получалось.

Аркадий высок, статен, зеленоглаз. На таких женщины заглядываются. Что же касается работы, то неровен: то вспыхнет, то остынет, хотя и немало ему лет. Слыл первым танцором в художественной самодеятельности, но забросил ее. Любит порисоваться перед товарищами, на собраниях. Что он за человек? Сумеет ли Костяков к нему дорожку найти?

Костяков очень хорошо запомнил свою первую встречу с К. Перед началом смены мастер проводил пятиминутку. Все были уже в сборе, кроме К. Пришел позже всех, принес длинную скамейку. Демонстративно, с грохотом поставил ее, сел. Словно озорной школяр.

— Как вас звать? — спросил Костяков.

— Это не имеет значения,— ответил тот.

— Предположим, что никакого,— спокойно заметил Костяков и продолжил прерванную беседу.

Краткий этот диалог он не забыл. Что вывело К. из равновесия? Стал расспрашивать людей. Костякову посоветовали: «Не обращайте внимания. Он с выкрутасами, не стоит на него тратить время и энергию». Мастера такой ответ лишь раззадорил и озадачил: как это не обращать внимания? Человек же! Понаблюдал и пришел к выводу: может работать хорошо, дело знает. С разговором Костяков не торопился. Все обдумывал, с чего бы начать, как растормошить его, и вдруг увидел К., идущего навстречу вихляющей походкой. На пьяном лице наглеватая улыбка.

Костяков побелел от гнева.

— Смирно! — гаркнул он, как бывало на фронте. Голосище у него мощный, зычный, еще в полковой школе был запевалой.— Кругом — арш! Двести шагов вперед!

На другой день К. просил у мастера прощения, готов был сделать что угодно, лишь бы его заслужить.

«Я обязан быть нацеленным на этого человека,— писал Костяков в дневнике.— В этом на первый взгляд разбросанном рабочем таятся незаурядные качества. Я должен сделать из него классного специалиста и настоящего человека...»

Костяков уже знал, что К. рос без отца. Отец погиб в сорок четвертом, был танкистом. Тем большая ответственность лежит на нем, Костякове. Мастер стал давать Аркадию поручения, не связанные вроде бы с его работой. «Надо сделать то-то», «Сходи, принеси то-то»... К. выполнял поручения не сразу. Медлил, тянул. Костяков не без волнения посматривал на часы. Но все же К. делал все в точности. Иногда мастер давал ему задания, непосильные одному человеку, и видел, что Аркадий может организовать людей, что рабочие охотно слушаются его и прихватывают даже часть своего обеденного времени. Значит, заговорила сознательность, заинтересованность в общем деле, с удовлетворением отметил Костяков.

Случалось, К. подменял машиниста, не вышедшего в смену, один раз даже бригадира. На линии большого пресса освоил все профессии. За что ни брался, все у него получалось. Вот это было по-костяковски! Борис Александрович любил людей, у которых в руках все горит. Сам был таким. Мальчишкой еще, помогая матери, строчил на швейной машинке гимнастерки и сумочки, которые та брала на дом из мастерской. Когда был командиром расчета, добивался, чтоб рядовые могли заменять друг друга. И здесь стремился к тому же.

Почти каждый день мастер открывал в своем подопечном что-то новое. Но невыясненных вопросов было еще много. Почему, например, он является на смену порой в возбужденном состоянии, а порой ходит словно в воду опущенный? Выбрав вечер, пригласил Костяков Аркадия к себе домой. К. с уважением и интересом рассматривал кабинет мастера, похожий на музей,— столько в нем памятных подарков с надписями, грамот, адресов. На полке значки, полиэтиленовые мешочки с землей, святой землей Мамаева кургана. На другой полке — книги. Все о войне. Одна толстая, на грузинском языке. Серго Чхартишвили ее написал, заряжающий такой же пушки, какая была и у Костякова. Только служил он в другой батарее, хотя и в том же дивизионе. Мастер рассказывал Аркадию про Серго. После войны Чхартишвили окончил Тбилисский университет, работал и писал книгу о войне. Много лет писал. И как только вышла книга в свет, послал первый экземпляр Костякову. Борису Александровичу отведено в ней много страниц, даже главы. Описан бой в урочище Малинник, участие во взятии Кёбена и другие боевые эпизоды. Книга называется «Через Берлин», потому что самая короткая дорога домой для фронтовика пролегала только через Берлин.

На столе стопки писем. Свежая почта. Стопка конвертов подготовлена для отправки. Все

это Борис Александрович делает сам, все это требует времени. Когда же он успевает? Вот и для него, Аркадия, выкроил час. Галина Фоминична, жена Костякова, принесла чашечки с чаем, печенье и пошла в другую комнату, сама занимается. Немало ей лет, а вот учится, в Киев на экзамены ездит. Удивительные они люди, Костяковы!

Поделился в тот вечер Аркадий своими невзгодами, излил душу. С женой часто ссорятся. Вон, оказывается, что!

А потом как-то и мастер заглянул к К. домой. Живет в одной квартире с матерью и сестрой. По существу, три семьи. Родня, а на кухне три отдельных столика. Три женщины у одной плиты, не желающие ни в чем уступить друг другу... Аркадий оказался меж трех огней: мать поддержит — жена в обиде, защитит жену — сестра смотрит косо... В подобной ситуации Костяков однажды выручил молодоженов, еще когда в «Монтажхимзащите» работал. Что же он тогда сделал? Просто предложил им временно, пока получат отдельную квартиру, пожить у него. Себя урезал, свою комнату им отдал. А как сейчас Аркадию помочь? Их ведь трое, сын растет... «Был на квартире у К.,— записывает Костяков в дневнике.— Что-то надо сделать, чтобы человек жил лучше!» Он, мастер, должен об этом побеспокоиться. А пока надо попытаться разрядить обстановку. И уже зреет в голове план.

— Ты когда в отпуск собираешься? — спрашивает мастер.— В мае? Обещали путевку в профилакторий? Вот и отлично. Надо бы и Кате с тобой поехать. Я об этом позабочусь. Она в каком цехе работает?

Костяков не только о Катиной путевке похлопотал, но и себе на несколько дней взял. Договорился, чтоб им отдельную комнату дали. Сам поселился рядом. Вместе завтракали, вместе гуляли. И как-то незаметно ему удалось нащупать в их отношениях те острые углы, которые и попытался сгладить.

Катя постепенно оттаивала, появились в ней мягкость, терпимость, Аркадий становился веселее и разговорчивее, а самое главное — доверчивее. Он обращался теперь к Костякову по личным делам за советом и как-то сказал: «К кому же еще, если не к вам, вы мне, как отец». А Катя, вручая ему по какому-то поводу цветы, так и сказала: «Это вам, отец». Что ж, он не против. Свои дети сейчас от него далеко. Сын — артиллерист, дочь — студентка. И было радостно: всходила крупица добра.

Не следует, однако, думать, что только К. был в центре внимания мастера.

Отдыхал Костяков на курорте. Вернулся и узнал, что вынесены два административных взыскания его подчиненным. За все время не было ни одного — и вдруг такая неприятность. Что тут хлопцы без него набедокурили? Один подручный при взвешивании слитков повредил весы. Правильно его наказали. Но второго человека зря.

Произошло вот что. Машинист пресса в микрофон, по которому передают распоряжения о подъеме бойков, песенку спел. Лето стояло, у парня настроение веселое было. Но настроение ему быстро испортили: урезали на двадцать процентов премию. Костяков расстроился. «Что вы делаете?— возмущался он.— А может, у него радость большая была! Посмеяться бы над ним да погрозить кулаком,— он бы и так понял все».

Пошел мастер к начальнику цеха. Убедил его, что не следовало машиниста так сурово наказывать, и предложил удержанную сумму вернуть из средств фонда мастера. Начальник цеха с ним согласился.

Ни одно событие, большое или малое, не упускает Костяков. У комсомольцев собрание. Он идет к ним. Выступает, предлагает: «Давайте устроим вечер проводов в армию». И становится главным организатором. У Раисы Ильиничны Поташниковой, машиниста крана, день рождения. Товарищи по бригаде готовят подарок. И не пустячок какой-нибудь, а именно то, что ей хотелось. Хотя дата вовсе не круглая. Не будь Костякова, никто бы, пожалуй, про нее не вспомнил. Но Костяков завел правило: не обойти ни одного. В его списке все значатся. Вначале сопротивлялись: «Подумаешь, какое событие — день рождения!» Он долго убеждал, наконец доказал, как приятно человеку знать, что о нем думают и заботятся... Привилось. И теперь почти каждую неделю в цехе у кого-нибудь маленький праздник. Прорастает еще одна крупица добра.

В цехе, на заводе, в Запорожье о Костякове говорят: «Он отдает себя людям без остатка». Имеют в виду не только работу мастера. Даже после того, как он уйдет с завода на пенсию, он всегда будет нужен людям. Очень нужен!

Его часто приглашают в школы, клубы, красные уголки. Просят: «Расскажите о себе, как вы воевали». Он отказывается рассказывать о себе и говорит о других, о том, как важно было не только добыть Победу, но и сохранить, закрепить ее навсегда. Уходя на такую встречу, он берет пакетики с землей, священной землей Мамаева кургана, Сапун-горы, Малой земли, Аджимушкая. Он вручает эту землю после минутой молчания. И каждый раз волнуется: «Как лучше донести все до молодежи? Как рассказать, чтоб она все поняла?..»

При встрече директор, не отступая от своего намерения, нет-нет да и спросит:

— Ну как, скоро?

А Костяков махнет рукой, мол: «Погоди, погоди!..» — и переведет разговор совсем на другую тему.

СЕВЕРНЫЕ УЗОРЫ

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото М. САВИНА.

Репетицию Северного народного хора начала танцевальная группа. Пошла разминка; остродробный перестук каблучков, сложные прыжки танцоров. Девушки с туго стянутыми хвостиками на затылках все будто похожи друг на друга в своих коротких черных юбочках; все одного роста и при первом взгляде вроде бы даже на одно лицо...

Но вот главный балетмейстер Иван Захарович Меркулов командует: «Ну-ка, ребята, давайте «Мезенские танцы».

И поплыл, поплыл хоровод. Будто и видели мы до сих пор немало русских народных танцев и хороводов, и движения некоторые кажутся словно знакомыми. Да не совсем... Хоть и нет еще красочных костюмов на танцорах, а на сцене вдруг засверкали краски Севера — сдержанные, величавые: не хоровод уже плывет, а извилистая река Мезень течет-переливается меж крутых берегов, поросших лесами.

Движения танцоров не широкие, не размашистые, как, к примеру, у сибиряков, а скромные, как бы затаенные. То скрытая лукавинка проскользнет, то исподволь глянет печаль... Не принято у северян чувства на людях показывать, однако ожили, заиграли лица, засветились глаза. Все разные, все в образе: один добрый, простодушный, другой смешливый, третий наивный и ласковый...

Мы знали, что на концерте танец будет исполняться впервые. И стали о нем расспрашивать балетмейстера.

— Спасибо мезенским старушкам-поморкам, — сказал Иван Захарович. — Хорошо они встречают наши экспедиции! А уж как стараются помочь! Слова подсказывают, движения и сами волнуются... Молчаливые деды стоят тут же, посмеиваются добродушно: вот, мол, как бабки наши разошлись!.. Сколько нового, интересного узнаешь в этих поездках! Так появился у нас танец-топотуха «Барабушка», живой, веселый. Каждый парень, приглашая девушку, должен ей поклониться, обнять ее... Сейчас затеваем «Скоморошину» — это целое представление. Раньше, когда мужики отправлялись рыбу ловить, женщины вечерами, управившись со своими домашними делами, брагу варили. Потом собирались все и устраивали «скоморошины» — праздник с веселыми, шуточными песнями и плясками. На Севере всегда так танцевали — почти без музыки, под песню...

В репертуаре архангельского Государственного Северного русского народного хора есть и лирические песни, исполняемые тоже без музыкального сопровождения. Солисты и поют и сами же танцуют под свою песню. Каждая мелодия не только расцвечена сложным многоголосием, но обладает и своим сценическим рисунком, своей пластикой.

Кажется нескончаемым поток песен: то поморская былина «Широко лежишь ты, море Белое», то протяжная «Снежки белые, пушистые», то качельная «Голубь, голубочек»...

А какая виртуозность распевов при строгой сдержанности исполнительского стиля! В целом же сама программа динамична на редкость: песни, танцы, игровые сцены, народные представления сменяют друг друга, и встает за всем этим могучий древний русский край — дремучие леса, порожистые реки, богатые рыбой и жемчугом; ледяные озера и высокие горы, малиновые и голубые закаты... А главное — открывается душа народа: все, что передумано, перечувствовано, о чем мечталось, на что надеялись и чему радовались,— все вкладывали суровые поморы в свои песни, такие же простые, как они сами...

У солистов Северного хора особая манера держаться на сцене. Закончена одна песня. Артисты не раскланиваются, не улыбаются специально зрительному залу: все они еще находятся под впечатлением только что спетой песни и будто не замечают никого вокруг, углубленные в свои чувства и переживания. И от этого становятся еще более близкими нам, слушателям... Потом в тихом, плавном движении перестраивается красочный хоровод, и начинается другая песня. Веселая она или грустная, быстрая или медленная — в исполнении солистов мы не услышим никакого нажима, надрыва. Чистые и, как говорят, «узкие» голоса кажутся не громкими, а беспредельными, бесконечными.

«Петь не голосом, но душой»— такова главнейшая заповедь коллектива. И верность ей хранит каждый исполнитель.

Северный народный хор возник пятьдесят лет назад. Сначала это был небольшой женский хор, организованный сельской учительницей Антониной Яковлевной Колотиловой. Участники хора в течение многих лет работали на производстве и пели. Потом стали профессионалами. Сейчас в коллективе почти девяносто человек; при хоре созданы двухгодичные курсы, где учатся молодые исполнители. Есть импровизационная творческая группа; она занимается распевом редких одноголосных мелодий для всего хора.

— Мы влюблены в Север. Стараемся нести его искусство с чистой, открытой душой, как можно более правдиво и естественно,— говорит художественный руководитель хора, народная артистка РСФСР Нина Константиновна Мешко.

— Трудно ли находить песни для репертуара?

— Трудно. Но вовсе не потому, что не хватает песен. Наоборот, песен, обрядов, частушек, былин записано очень много. Трудность в том, что мы далеко не всегда можем взять то или иное произведение для сцены. Некоторые народные песни действительно устаревают, так как отражают реальный быт народа, его безрадостное прошлое, а нам бы хотелось петь то, что мудро, прекрасно, жизнерадостно, что привлекает красотой художественных образов и этим близко современному слушателю... Кроме того, в народных песнях нередко бывает по нескольку десятков куплетов. А ведь на сцене каждое мгновение невероятно длинно. Мы ищем сценическую условную форму, но стремимся к тому, чтобы при этом создавалось впечатление абсолютной правды...

...На сцене появляется простодушно улыбающийся парень с балалайкой. Он поет холмогорские частушки. Это сегодняшний день северного края. Родом из Холмогор, Леонид Михайлов раньше работал в колхозе, теперь он — заслуженный артист РСФСР. Напев и слова частушек он слагает сам. Когда Михайлова спрашивают, как они рождаются, он отвечает: «Я беру их у народа...»

Да, не может сегодняшний человек, как бы ни был стремителен двадцатый век с его научно-техническими достижениями, прожить без своих песен, без своих праздников. И коллектив Северного народного хора, черпая богатства из сокровищницы народной, вновь отдает их людям.

На концерте Северного русского народного хора.

В. ВАРЖАПЕТЯН

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. ОБРАЗЦОВА

КУКОЛЬНИК НОМЕР ОДИН

Дети кричали на весь зал, смеялись, хлопали в ладоши — и маленькие англичане, и пятеро курчавых негритят, и множество советских ребятишек... После спектакля я пришел к С. В. Образцову поздравить его с днем рождения от имени наших читателей. И — по их же просьбе — задал артисту несколько вопросов.

— Сергей Владимирович, за что и против чего вы боретесь своим искусством?

— Если говорить о спектаклях для взрослых, то против пошлости, банальности, штампов; здесь наше главное оружие — сатира. Например, новый спектакль «Дон Жуан-76» — пародия на мюзикл. Последнее время театры и зрители словно помешались на мюзиклах. Наш спектакль идет на «иностранном» языке — абсолютно никому не понятной абракадабре, хотя идея, сатирическая направленность понятны всем... В спектаклях для самых маленьких зрителей мы ставим иную задачу — воспитание чувств. Это налагает на нас особую ответственность.

— А кого вы считаете своими учителями в искусстве?

— В моем воспитании участвовало много людей. В детстве я зачитывался книгами Сетон-Томпсона, Марка Твена, Жюля Верна; на смену им пришли Л. Толстой, Чехов, Горький... В зрелом возрасте на меня огромное влияние оказала поэзия Александра Твардовского... Многое мне дали театр, живопись и, конечно, кинематограф: «Броненосец «Потемкин», «Чапаев», фильмы Чаплина и итальянских неореалистов... До сих пор моим учителем остается отец, его нравственные принципы, талантливость, естественность; они и сегодня служат для меня примером.

— Есть ли у вас любимые куклы, кукольники, спектакли?

— Любимых кукол нет. Кукла для меня — инструмент, как для художника кисть, для музыканта скрипка. А если говорить о спектаклях, то самый интересный тот, над которым я работаю. Из старых спектаклей люблю «По щучьему велению» — он идет уже тридцать шесть лет. Дорог мне и «Необыкновенный концерт»; мы объехали с ним весь Советский Союз, посетили больше двадцати стран. Этот спектакль прошел уже шесть тысяч раз. Среди мастеров кукольного театра восхищаюсь создателем Спейбла и Гурвинека Иозефом Скупой, он был выдающимся артистом. Высоко ценю замечательного артиста из ФРГ — Альбрехта Розера: нельзя забыть его трогательного Клоуна, его Инвалида, его яркий и гневный протест против войны.

— Сергей Владимирович, не могли бы вы вспомнить историю своей первой куклы?

— Первую куклу подарила мама, когда мне исполнилось шесть лет. Она называлась «Би-ба-бо». Эту японскую куклу надевали на три пальца. Смешная, с целлулоидной головкой. Позднее я вспомнил «Би-ба-бо» и сделал из черного чулка и обрезков каракулевого воротника «Негритенка»; когда я шел по улице, он вылезал из полушубка и смешил прохожих, спрашивая, как пройти в Кривоколенный переулок. Потом я сделал ему партнершу — плюшевую обезьянку. А вскоре на свет появился старик Терапот из спектакля «Перикола».

С обезьянками я до сих пор пою романсы Вертинского. «Негритенка» уже нет — его украли, когда я ехал в трамвае.

— А когда вы решили, что куклы — ваше призвание?

— Это решилось само собой. Я дурачился, выдумывал, показывал... Мои первые выступления смотрели удивительные зрители: Станиславский, Тарханов, Москвин, Горький, Алексей Толстой, Шостакович, Прокофьев, Мейерхольд. И кто-то из них предложил показать моих кукол зрителям. Но из театра — это был второй МХАТ — я не уходил. Когда театр закрылся, мне предложили создать Центральный театр кукол, который существует уже сорок лет. Так моя игра, мое увлечение переросли в профессию.

— Эмблема вашего театра — рука с шариком; она стала и эмблемой УНИМА, только шарик превратился в земной шар...

— Да, этот деревянный шарик полюбился многим кукольникам. Сейчас его можно встретить во многих странах. А на свет он появился много лет назад. Прежде чем сделать куклу, я сначала ее лепил, а голову надевал на палец — так было удобнее. Однажды мне пришла мысль, что шарик на пальце — уже готовая кукла! Только вместо глиняной головки я сделал деревянную. Вернее, две... Он и Она исполняли романс «Мы сидели с тобой у заснувшей реки».

— Наверное, многое из того, о чем вы мечтали, осуществилось?

— Я не имею права говорить, что жизнь не сложилась: напротив, она сложилась очень славно, хотя не все мои мечты сбылись. Я хотел стать художником, но не горюю, что стал артистом! А разве мог я когда-нибудь мечтать о прекрасном здании нашего нового театра кукол!.. Открытие театра — один из самых счастливых дней моей жизни.

Важным событием для себя я считаю создание документальных фильмов: «Лондон», «Удивительное рядом», «Кинокамера обвиняет», «Невероятная правда», «Кому он нужен, этот Васька»... Кинематограф дал мне возможность высказать свое отношение ко многим серьезным проблемам, оказать влияние на сердца людей.

На конгрессе Международного союза деятелей театра кукол Герой Социалистического Труда, народный артист СССР С. В. Образцов избран президентом УНИМА, кукольником № 1.

ПАМЯТЬ ЛЮДСКАЯ

Не так давно «Огонек» опубликовал рассказ орловского прозаика Леонида Сапронова «Горячие раны». По этому рассказу и назван новый сборник писателя. Каким жизненным коллизиям писатель отдает предпочтение, что больше всего волнует его? Пожалуй, это личность человека, его душевное беспокойство, смысл и ценность человеческих взаимоотношений. Писатель рисует своих героев, найденных им среди рабочих, горняков, шоферов, геодезистов, студентов, библиотекарей, в острые моменты их личной жизни. Он не боится показать сложность судеб, подчас драматичную неразрешимость конфликтов в человеческих отношениях. Но за всем этим стоит вера автора в нравственные силы человека, в его внутреннюю красоту.

Рецептов нет и судьбы людей несхожи, словно подчеркивает Л. Сапронов. Не потому ли концовки его новелл зачастую неожиданны? В большинстве случаев автор уходит от финалов рациональных, ожидаемых, на первый взгляд логичных, от решений готовых — и это одна из сильных сторон его рассказов. Выйди деревенская вдова Александра к ухажеру, прикатившему на «Москвиче» («Змей-Горыныч»), и рассказ превратился бы в мелкую историйку еще одного удачного сватовства. Недоговоренность и отсутствие финальных «подсказок» держат тонкую структуру рассказа «Слепой дождь» — о том, как к приезжему музыковеду, человеку интересному, многое повидавшему, потянулась душой юная девушка.

Способность чувствовать и передать народный характер автор показал в рассказе «Демочка», где главным героем выступает деревенский старик Демьян, труженик и солдат, жизнь которого раньше была очень заметной, нужной людям...

Превосходен рассказ «Попутчики» — тонкий, экономный в словах и, как всегда у автора, дающий ход мыслям.

Всего в сборнике восемнадцать новелл. Не все в нем удовлетворит взыскательного читателя. Мало раскрывается человек в труде. Заметит читатель и некоторую легковесность, с какой рисуется восприятие искусства неподготовленным зрителем или слушателем. Писать о воздействии музыки на человека очень непросто, у автора получается это порой неубедительно, недостоверно («Дело к весне»).

Заканчивается сборник новеллами, возвращающими нас к временам минувшей войны, герои вспоминают былые дни или просто живут в этих днях. Эти новеллы о людской памяти («Заморские страны», «По старому адресу», «Чужбина»), перекликаясь с заглавным рассказом «Горячие раны», свидетельствуют об особенностях дарования автора — страстности и симпатиях к людям, нашим современникам, отвоевавшим свободу и право строить новую жизнь.

Ю. НОВИКОВ

Леонид Сапронов. Горячие раны. Тула, Приокское книжное изд. 1976, 192 стр.

А. К. ОРЛОВ,
председатель Верховного суда РСФСР

КАЧЕСТВО ПРОДУ

интервью «Огонька»

В решениях XXV съезда КПСС намечен целый комплекс мер, которые должны обеспечить резкое повышение эффективности производства и качества продукции. Среди этих мер и правовые. Корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский попросил председателя Верховного суда РСФСР А. К. Орлова рассказать о том, как наши законы, суд, прокуратура борются с бесхозяйственностью, бракодельством, выпуском продукции низкого качества, нестандартной, как способствуют усилиям трудовых коллективов добиться улучшения качества продукции.

В наше время, особенно после XXV съезда партии, борьба за высокое качество продукции стала поистине всенародной. Вся страна знает о творческих поисках ударников коммунистического труда, коллективов, где главным контролером добротности, надежности их продукции становится совесть рабочего человека. Предложение москвичей — «Пятилетке качества — рабочую гарантию!» — горячо поддержано миллионами рабочих и работниц. Огромная работа партии, профсоюзов, комсомола по воспитанию чувства ответственности за порученное дело, за качество работы своей и своего товарища, воспитание дисциплины труда приносит свои прекрасные плоды. Но, к сожалению, порою обстоятельства жизни трудовых коллективов складываются таким образом, что меры воспитательные по разным причинам не дают ожидаемого эффекта. Да и есть еще в нашем обществе люди, о которых можно сказать: кот Васька слушает, да ест... Иные директора предприятий, начальники цехов, мастера, бригадиры внимательно выслушивают все нєставления по поводу их личной ответственности за брак, за нарушение трудовой и технологической дисциплины, за ущерб государству, который они приносят недобросовестной работой. Слушают и продолжают жить и трудиться по своим неписаным законам, в основе которых — забота лишь о личном благополучии. Любой ценою, любого качества сдать бы побольше продукции, ходить в передовиках и получать премии... Это и их имел в виду товарищ Л. И. Брежнев, когда говорил на XXV съезде партии: «Надо закрыть все лазейки, которые еще позволяют нерадивым хозяйственникам ходить в передовиках, несмотря на нарушение договорных обязательств и низкое качество продукции, плохое использование резервов».

Вот здесь-то и призваны сказать свое строгое слово закон, суд, прокуратура. Им предоставлены широкие возможности, которые, не могу не отметить это, порой еще не используются в полной мере. Качество продукции — проблема не только техническая, нравственная, но и правовая. Есть достаточно много правовых норм, зорко оберегающих общество от бракоделов, разгильдяев, любителей выполнять государственный план только за счет «вала».

Сейчас, пожалуй, нет такой отрасли народного хозяйства, в которой не действовали бы государственные стандарты и технические условия. Практически они устанавливаются на все материальные ценности. Стандарт теперь вездесущ и всеобъемлющ. Например, к созданию автомашины «Жигули» причастны более трехсот предприятий, а в производстве, скажем, телевизора «Каскад» участвует около сорока фабрик и заводов. Так вот, веления государственного стандарта распространяются буквально на каждую деталь, агрегат, поставляемые для «Жигулей» или «Каскада» смежниками. Стандарт уже имеет силу закона.

Отношения между смежниками регулируются договорами, где качество продукции стоит среди пунктов первостепенного значения. В договорах этих сформулированы довольно суровые санкции за нарушение стандарта. Строгий надзор за исполнением таких договоров — это борьба за выполнение одного из важных требований XXV съезда партии: не допускать нарушений плановой и договорной дисциплины! К сожалению, в ходе судебных разбирательств не раз приходилось констатировать хроническую болезнь иных участников внутриотраслевой и межотраслевой кооперации — слово не подкрепляется делом, забывают, что деятельность поставщика агрегата, скажем, для станка, оценивается конечным народнохозяйственным результатом, выпуском самого станка. Приходится признать, что порой недобросовестные поставщики комплектующих изделий остаются безнаказанными. Я имею в виду и сроки исполнения и качество работ. В ход иногда идут любые ухищрения, прикрывающие отступление от требований государственного стандарта. Легко представить, какой ущерб здесь наносится государству.

Это все, выражаясь юридическим языком, сфера гражданского права. Но обстоятельства порой складываются столь печально, что вступает в силу уголовный закон.

Должностные лица, причинившие существенный вред государству, в том числе производством недоброкачественной продукции (будь то в результате невыполнения или ненадлежащего выполнения своих обязанностей, небрежного или недобросовестного отношения к ним), несут уголовную ответственность по статье 172 Уголовного кодекса РСФСР: наказание до 3 лет лишения свободы, или исправительные работы до одного года, или увольнение от должности. Такое же наказание предусматривает статья 152 УК РСФСР: уголовную ответственность директора, главного инженера или начальника отдела технического контроля, а также лиц, занимающих другие должности, но выполняющих обязанности указанных лиц, за неоднократный или в крупных размерах выпуск продукции недоброкачественной, или не соответствующей стандартам либо техническим условиям, или некомплектной.

На рассмотрение судов Российской Федерации поступали дела о выпуске недоброкачественной продукции предприятиями Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР, в частности Целинным сырзаводом Курганской области, Еланским маслосырзаводом Волгоградской области, Томским и некоторыми другими мясокомбинатами. Анализ их деятельности показал, что руководители этих предприятий не принимали мер к созданию надлежащих условий работы в цехах предприятий, подбору, правильной расстановке, обучению и воспитанию кадров, строгому соблюдению трудовой дисциплины. Грубо нарушалось положение о социалистическом государственном производственном предприятии.

Целинный сырзавод в 1973—1974 годах выпустил 88 тонн сыра, не соответствующего государственным стандартам.

Директор Целинного завода Н. С. Шундеев и главный инженер А. Ф. Головинов были привлечены к уголовной ответственности, преданы суду и осуждены. Выяснилось, что это не единственный случай. Здесь неоднократно пускали в продажу продукцию, которая не отвечала требованиям госстандарта. Все это результат отсутствия контроля за соблюдением технологического режима.

Суд достаточно глубоко вник в суть дела. Что способствовало преступлению? Целинный сырзавод был принят в эксплуатацию в 1972 году с большим количеством недоделок (около 600). Не работала опреснительная станция, не было очистительных сооружений, серьезные дефекты имели холодильные установки. Директором завода назначили Шундеева, по специальности инженера-электрика, не имевшего опыта в сыроделии. Отсюда и многие беды, отсюда и убыток в 481 тысячу рублей за 1974 год.

Верховный суд РСФСР в своем частном определении обратил внимание Министерства мясной и молочной промышленности РСФСР на все эти обстоятельства. Был наказан и председатель государственной приемочной комиссии, главный инженер производственного объединения В. А. Еремеев. Это же преступно — принимать завод с такими недоделками! Решение суда — поучительный урок и другим министерствам, производственным объединениям. Мы дорого расплачиваемся за легкомысленное отношение к приему вновь построенных предприятий, цехов. Есть у нас еще такие строители, которые прибегают ко всяким ухищрениям, лишь бы скорее сдать завод, фабрику, цех, отрапортовать, поставить «галочку», со всеми вытекающими отсюда материальными благами. А недоделки? Их потом будут (а может, так и не будут) устранять. И опять же наспех и не очень-то добросовестно: ведь все деньги на строительство уже израсходованы. Вот какие мысли приходят в процессе судебного разбирательства.

На Томском мясокомбинате в 1975 году было выпущено большое количество недоброкачественных колбасных изделий: около 40 тонн забраковали на самом заводе, а 2864 килограмма все же отправили в торговую сеть. Инспекция по качеству товаров сразу же признала продукцию негодной. Дело поступило в Томский областной суд. Села на скамью подсудимых начальник отдела производственно-ветеринарного контроля Т. С. Аникина. Ее наказали: год исправительных работ. Но, к сожалению, остались не привлеченными к уголовной ответственности руководители объединения. Вряд ли оправдан подобный либерализм там, где речь идет о качестве продовольственных товаров. Не трудно представить, каковы были бы последствия преступления, если бы не вмешательство торговой инспекции. При выяснении причин выпуска недоброкачественных колбасных изделий генеральный директор Томского объединения мясной промышленности А. Ф. Лобов говорил о многих помехах на мясокомбинате. И вновь сталкиваешься с проявлениями делячества, беспринципности, безответственности. Подчеркиваю: речь идет об особом предприятии — пищевом. И если оно не подготовлено к выпуску доброкачественных продуктов, то надо немедленно закрыть его, пока не будут устранены все неполадки. Такое право, например, предоставлено санитарным инспекциям. Но они не всегда используют его.

Верховный суд Башкирской АССР недавно рассмотрел дело бывшего директора Уфимской кожгалантерейной фабрики Н. М. Рыкунова и других должностных лиц. В течение 1973—1974 годов фабрика систематически поставляла торгующим организациям крупные партии плохих портфелей, дорожных и хозяйственных сумок, ученических ранцев, кожаных рукавиц, папок. Их делали с нарушением государственных стандартов и утвержденных технических условий. Рекламации поступали от торгующих организаций многих областей. Рыкунов не ут-

КЦИИ И ЗАКОН

руждал себя поиском причин брака, не пытался устранить их. Он действовал так: вернули, скажем, тысячу портфелей из какой-то области — Рыкунов, не устраняя дефекты, приказывал отгрузить эти портфели в другую область, где, по его сведениям, менее требовательные торговые организации.

В течение 13 месяцев фабрика выпустила недоброкачественных кожгалантерейных изделий на 149 тысяч рублей. Сумма штрафов за нарушение договоров составила более 23 тысяч рублей. Штраф, конечно, был уплачен не из кармана Рыкунова. Ущерб был нанесен государству.

В ходе следствия и на суде выяснилось, что Рыкунов в погоне за выполнением плана по валу не считался с техническими условиями и стандартами. Крайне низка была технологическая дисциплина. Работали неритмично, с авралами к концу месяца. Когда появлялась угроза срыва плана, Рыкунов тут же договаривался с тем или иным руководителем торговой организации — друзья выручат! — и под видом готовой продукции отгружал ...кожу. Только одному магазину «Башснабсбыта» в конце 1973 года было отпущено кожи на 207 тысяч рублей. Сумму эту включили в выполнение годового плана. Нашлись нужные для такой операции «добрые» должностные лица и в торгующих организациях. По просьбе Рыкунова они в конце месяца перечисляли фабрике деньги за еще не полученный товар. А в следующем месяце оформлялись документы на возврат и денег и товаров. Так Рыкунов «выполнял план» и получал премии. За одним преступлением потянулось другое. Рыкунов лично присвоил 905 рублей, составив вместе с друзьями фиктивные документы. Рыкунов осужден на 3 года лишения свободы. Осуждены и те, кто совершал преступления вместе с ним. Суд вынес частные определения о привлечении к ответственности должностных лиц, способствовавших махинациям Рыкунова.

Работники «Росглавкожгалантереи» Министерства легкой промышленности РСФСР при ревизиях и проверках не анализировали финансовую деятельность фабрики.

Эффективность борьбы за высокое качество продукции во многом зависит и от меры требовательности торговли к поставщикам. Не желая портить отношения с поставщиком, иные деятели торговли стараются не замечать, что нарушаются договор, порядок приемки товаров, сроки, снижается качество.

За 6 месяцев 1975 года госарбитражи РСФСР взыскали с поставщиков 11 миллионов рублей штрафа за поставку недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции. По данным Госарбитража за 1974 год, в РСФСР стоимость забракованных товаров народного потребления составила свыше 24 миллионов рублей. А ведь речь идет о товарах, которые поступают на прилавки и которые, увы, не всегда бракуют торговые организации.

Здесь нелишним будет напомнить некоторым руководителям торговых предприятий о статье 157 УК РСФСР: неоднократный или в крупных размерах выпуск в продажу недоброкачественных товаров заведующим магазином, базой, складом, секцией, а равно товароведом или бракером карается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей, или лишением права занимать указанные должности.

Организация, продавшая недоброкачественный товар, обязана принять его обратно. Но нередки случаи, когда магазин отказывает покупателю в этом. Люди вынуждены обращаться в суд, который взыскивает с предприятия полную сумму, выплаченную покупателями. Но если говорить о первопричинах невысокого качества продукции, то их надо искать на производстве, там, где рождаются материальные ценности. И когда анализируешь, с чего начинается бракоделье, выпуск плохих машин и костюмов, станков и обуви, то в любом случае приходишь к выводу: здесь плохо организовано социалистическое соревнование, здесь не занимались воспитанием людей, и в частности воспитанием в духе личной ответственности за строгое соблюдение всех тех законов, правовых норм, которые регулируют жизнь производственного коллектива. Я подчеркиваю: в духе личной ответственности, от рабочего до директора. Этому учит нас партия, этого требуют от нас решения XXV съезда КПСС. Известен опыт Воронежского завода тяжелых механических прессов, где широко применяются такие средства, как правовое регулирование отношений, обеспечивающее бездефектное изготовление продукции, оперативный контроль за ее качеством, как оптимальная система материального и морального стимулирования, где действует правило: плохо работаешь — отчитайся перед коллективом и неси материальную ответственность.

Сейчас проводится работа по пересмотру устаревших законов и изданию новых нормативных актов, которые призваны содействовать выполнению исторических решений XXV съезда КПСС, действенно обеспечивать повышение качества продукции.

Судебные органы принимают меры к дальнейшему совершенствованию и улучшению качества своей собственной работы, чтобы успешнее выполнять возложенную на них высокую обязанность — стоять на страже социалистической законности, интересов советского общества и прав граждан.

БОЙ ВЕДУТ ДИПЛОМАТЫ

Роман «Кузнецкий мост» — волнующее произведение о советской дипломатии, о тех, кто продолжает в своей работе благородные традиции первых выдающихся дипломатов молодой Республики Советов, таких, как Чичерин, Литвинов, Воровский, Коллонтай, Карахан, Красин, Войков.

Содержательные страницы романа убеждают читателей в том, что автор тщательно изучил историю, что у него профессиональная осведомленность, глубокое знание материала. Писатель показывает работу, проходившую в сложнейших условиях Великой Отечественной войны, требовавшую от наших дипломатов предельного напряжения сил, воли и разума. Да иначе и не могло быть. Советские дипломаты сражались плечом к плечу с родным народом. Все их помыслы были посвящены одной цели — способствовать полному разгрому врага.

Фронт дипломатической борьбы, хотя он и не имел четко обозначенных линий, по существу, простирался по всему земному шару. В его орбите были Москва, Лондон, Вашингтон, Дакар, Сталинград, Тегеран, Ялта, Потсдам... Штаб советской дипломатии находился в здании Наркоминдела на Кузнецком мосту. Значит, фронт проходил и через Кузнецкий мост.

Роман населяют подлинные исторические лица, дипломаты, полководцы. Рядом с ними писатель создает художественные образы героев-наркоминдельцев — Егора Бардина, Сергея Бекетова, Николая Тамбиева, Александра Гродко...

Книга читается с неослабевающим интересом. Ее страницы, быть может, впервые сообщают читателям о весьма значительных фактах дипломатического единоборства, единоборства трудного, подчас принимавшего крайне острую форму.

Один пример. Известно, что главным вопросом тех лет в наших взаимоотношениях с союзниками был вопрос об открытии второго фронта. Премьер-министр Великобритании Черчилль на словах ратовал за его скорейшее открытие, на деле же старательно оттягивал его рождение. Собственно, в основе отношения британского премьера к Советской России была старая формула Трумэна, высказанная им еще в первые дни нападения Гитлера на Советский Союз. Смысл этого «доброго» высказывания был прост: пусть немцы убивают побольше русских, а русские пусть убивают побольше немцев; обе стороны обескровят себя, и тогда мы продиктуем им любые условия.

Черчилль с завидным умением использовал эту трумэновскую формулу. Но когда уже в ноябре 1943 года на Тегеранской конференции глав трех союзных правительств британский премьер вновь попытался уйти от определения точной даты проведения операции «Оверлорд», говоря точнее, от даты открытия второго фронта, И. В. Сталин не без иронии сказал:

«— Если можно задать неосторожный вопрос, то я хотел бы узнать у англичан, верят ли они в операцию «Оверлорд»? Или... они просто говорят для того, чтобы успокоить русских, а?

Черчилль шевельнул губами так, как будто во рту у него была сигара,— он не принял улыбки Сталина.

— Если будут налицо условия...— ответил Черчилль строго, он напрочь отсекал от себя иронию Сталина.

А дальше произошло то, что протоколы не отметили, но что было самым существенным в этот день,— Сталин встал и, взглянув на Молотова с Ворошиловым, произнес:

— Идемте, нам здесь делать нечего, у нас много дел на фронте».

Роман начинается с того августовского дня 1939 года, когда в Москву прилетал гитлеровский министр иностранных дел Риббентроп. Последние страницы рассказывают о работе Тегеранской конференции.

Роман свидетельствует: несмотря на все ухищрения противников тройственной коалиции из среды американских и английских реакционеров, антигитлеровская коалиция в годы войны стала реальностью.

Недавно газета «Правда» (12 февраля 1976 года) писала: «Огромное значение в деле создания и укрепления антифашистской коалиции имела активная советская внешняя политика... Уже тогда в антифашистской коалиции можно было увидеть перспективу сотрудничества государств с различным социальным строем и в послевоенный период».

Роман раскрывает перед читателями страницы нашей трудной и героической истории. С чувством искренней признательности автору расстаешься с «Кузнецким мостом», произведением о советских дипломатах, и сегодня ведущих нелегкий бой за братство и мир между народами.

Михаил АНДРИАСОВ

Савва Дангулов. «Кузнецкий мост». Книга 1-я. М., изд. «Известия», 1975, 560 стр. Книга 2-я. М., «Советский писатель», 1975, 487 стр.

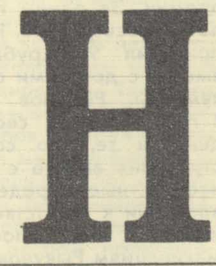
Анатолий **ИВАНОВ**

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В Е Ч Н

–Василий Степанович Засухин от воспаления легких умер. Вместе мы схватили это с ним... На ветру, под дождиком осенним однажды недели с две вечную мерзлоту долбили. Что уж строили — не помню. Снизу мерзлая земля, мокрые ледяные глызы. Опорки раскисли, ноги окоченели. А сверху ледяной дождь... Ну, в лагерный лазарет нас. На моих руках и отошел...

От выпитой водки капитан Кошкин чуть порозовел, на лбу выступили мелкие капли пота. Он вынул носовой платок — чистый, тщательно отутюженный, аккуратно сложенный вчетверо, промокнул лоб. На улице палило солнце, а в комнате полусгоревшего дома было прохладно. Когда к столу подходил ординарец Кошкина — молодой и по виду не обстрелянный еще боец, у которого на груди, однако, поблескивала медаль «За отвагу», под его ногами пружинили и потрескивали пересохшие половицы.

— Помер он не от воспаления. Просто не выдержал больше старик. Быстро там износился. Остановилось сердце — и все. Это еще до войны случилось, в сороковом...

В виски Алейникова больно долбила кровь. И это не от водки — Алейников пил и не пьянел. Водку он не любил, но был крепок на нее, а на фронте так вообще она нисколько почти не брала его. И чтобы избавиться от этой боли, вслух сказал, почти простонал:

— Пожил бы ведь еще! Пожил...

— Конечно,— согласился Кошкин. Алейникову показалось, что слово это он произнес насмешливо и глядит сейчас на него тоже насмешливо, презрительно. С трудом, чувствуя, как ноют и будто скрипят шейные позвонки, поднял голову. Нет, в лице Кошкина не было ничего подобного, да и вообще он глядел куда-то в стену, думал о чем-то. И Алейников безошибочно определил — о завтрашнем бое.

В дверях появилась чья-то грузная фигура, вошел пожилой лейтенант-медик, распаренный, распухший от жары, в почерневшей от пота по краям пилотке, которая лежала на плоской голове блином, едва прикрывая лысину.

— Ну, что у тебя? — спросил Кошкин.— Это начальник нашей санчасти.

— Палатки развернули, Данила Иванович. Двенадцать санинструкторов прибыло из запасного полка... Ничего, завтра мы справимся. А на чем тяжелораненых будем в армейский госпиталь увозить? — Начальник санчасти говорил это, пыхтя и отдуваясь.— Я дал заявки в дивизию и армию. Подполковник Демьянов говорит, что у них свои люди умирают, не могут вывезти. Не хватало, говорит, чтоб еще штрафников каких-то... А штрафники, что же, не люди? И в штабе армии не обнадежили.

— Ладно. Сейчас пообедаю и займусь всеми делами... Мыльников много?

— Четверо, Данила Иванович. Двое из третьего взвода, по одному из четвертого и шестого.

— Сволочи...— И повернулся к Алейникову.— Мыло глотают некоторые умельцы перед боем. От этого прямая кишка выпадает — и месяц госпиталя. Судить подлецов!

— Да оформим,— сказал начальник санчасти вяло.

— Ладно, иди.

Лейтенант-медик ушел. Кошкин долго ковырялся в тарелке. Потом бросил вилку.

— До чего только не додумаются! Вот, даже мыло едят... Смердят на земле, а жить тоже охота...

— А ты сам-то как на этой должности оказался?

— Да как? В самом начале войны еще на фронт добровольно пошел.— Кошкин усмехнулся.— Доброволец! В штрафную роту, конечно. И то еле-еле выпросился. До середины прошлого года штрафных рот почти ведь не было. Потому не так-то просто было попасть. Начальник лагеря добрейший был человек, помог. Ходатайствовал. Уважал он нас с Василием Степановичем... Ну, в общем, зимой сорок первого меня уж и окрестили. Ранение, на счастье, пустяковое — мякоть руки навылет. Через две недели зажило. Боже мой, как я вздохнул! Из санчасти иду после перевязки и чувствую — воздух другой, люди другие. И снег... оказывается, снег кругом сверкает. Будто не видел до этого, что зима. Вот ведь что свобода делает...

Кошкин крикнул, чтоб ординарец принес чаю, и долго сидел, зажав голову руками, будто она у него тоже, как у Алейникова, разламывалась от боли.

— Да... Ну, а потом обыкновенно. В штрафной роте и остался, как вот Михаил,— кивнул он на вошедшего с чайником ординарца.— Не захотел я в другую часть. Не знаю уж, почему... Командиром отделения попросился.

— Да это ж понятно, что тут объяснять,— подал голос ординарец.

— Ладно, ступай,— сухо бросил ему Кошкин. И когда тот вышел, проговорил:— Не смотри, что он такой благостный. До войны бандитствовал, подлец. Ну, сейчас-то уж не подлец.

— Не подлец?

— Не-ет,— мотнул головой Кошкин.— Штрафная рота тоже из дерьма людей делает... Ну вот, служил, воевал... Все в той же роте. Младшего лейтенанта потом за одно дело дали. Ну, и начал расти, как... колхозный колос. У нас же год за шесть идет. Был потом и командиром взвода и агитатором. А в прошлом году в августе эту роту получил... после приказа Верховного номер двести двадцать семь. Слыхал, конечно?

Алейников кивнул. Этот жесткий и единственный, может быть, в своем роде приказ Народного комиссара обороны и Верховного главнокомандующего Сталина был вызван суровой необходимостью. Прошлым летом, когда он, Алейников, находился в Краснодарском крае, организуя вывозку скота, зерна и других сельхозпродуктов, докатывались слухи, что в некоторых частях Красной Армии, оборонявших Новочеркасск и Ростов, вспыхнули отступательные настроения и что эти города были якобы оставлены без серьезного сопротивления. Соответствовали ли слухи действительности — узнать не было возможности. А в конце июля или начале августа он уже читал этот знаменитый приказ, безжалостный в своей прямолинейности: «...Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа....

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба... Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину».

Далее в приказе говорилось о необходимости повышения порядка и дисциплины в войсках, о ликвидации отступательных настроений. Надо, говорилось в приказе, упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности, ибо отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину, надо во что бы то ни стало, любой ценой остановить, затем отбросить и разгромить врага.

Этим приказом предписывалось «безусловно» снимать с постов и предавать военным судам всех командиров, начиная с командующих армиями и кончая командирами и комиссарами полков и батальонов, допустивших без приказа свыше отход войск с занимаемых позиций. Старших, средних и младших командиров, политработников и рядовых бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, отправлять в штрафные подразделения, ставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать осужденным возможность искупить кровью свою вину перед Родиной.

Яков до сих пор помнит, как у него заныло, занемело от холода в груди, когда он читал этот приказ.

— Я боялся — после этого приказа меня в такое штрафное подразделение назначат,— проговорил он.— Вот тогда бы я уж не выдержал... Да, к счастью, обошлось.

Кошкин быстро взглянул на него, усмехнулся.

— Ну, выдержал бы. И смог. Раз надо. Человек — он своих сил еще не знает.

Алейников давно, с самой первой минуты встречи с Кошкиным чувствовал какое-то большое, безграничное превосходство человека этого над собой.

— Выдержал бы,— еще раз сказал Кошкин.— Приказ этот правильный. Необходимый, если точнее. Война, брат, она ни с чем не считается. Ничего не попишешь.

Он вынул из лежащей на столе пачки папиросу, чиркнул спичкой. Жадно глотнул табачный дым, медленно выпустил. И, глядя почему-то на кончик папиросы, опять усмехнулся:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—27.

— Да-а, Яков Николаевич... Вот где мы встретились. При таких-то обстоятельствах... А ты, угадываю я, все маешься. А?

— Прошлое в памяти живет, не истребить его ничем,— проговорил Алейников. Он помолчал, вздохнул и продолжал:— Ты вот кричал мне тогда, в моем кабинете: «В кого же ты превратился, Яков? У тебя руки по локоть в крови!» Что же... ты был прав. Засухин Василий Степанович погиб... Баулин Корней, бывший наш председатель райисполкома, доходили до меня как-то слухи, тоже умер... Значит, и их кровь на моих руках... Сознание этого сосет, высасывает у меня все живое внутри. Разгрызает все. Я ведь тоже человек.

Командир штрафной роты смотрел на него, Алейникова, прищурив веки, и где-то в глубине его сузившихся глаз холодно и враждебно горели черные зрачки. Потом злой огонь в его глазах стал вянуть и быстро потух, на лбу то собирались, то исчезали морщины. Он раздавил на тарелке окурок и тотчас вынул новую папиросу.

Алейников налил в кружку из чайника, раза два-три хлебнул торопливо. И со стуком отставил кружку.

— Позапрошлой зимой, когда я собирался сюда, на фронт, Кружилин мне врезал: нашкодил ты в жизни, а теперь в кусты?! А нам предоставляешь возможность исправлять твои грехи? Нет уж, давай, говорит, вместе объяснять людям, что произошло, давай вместе и исправлять... Но — как исправлять?! Тут, на войне, я не бездельничаю, не отсиживаюсь в прохладном месте... Сколько раз бывал в таких пеклах... в тыл немцев ходил не однажды. И готов в самое кромешное, в самое кровавое месиво в любую секунду! Этого достаточно, чтобы исправить?

— Это просто наш долг с тобой, Яков,— сказал Кошкин.— Как и всякого нормального человека. Нашу землю фашисты топчут, наших женщин оскверняют...

— Ага, значит, недостаточно! — прервал его Алейников.— Вот поэтому и маюсь... Но исправлять — надо. А как, чем объяснить все же мою вину? Моей кровожадностью, что ли? Может, я ненормальный, может, я испытывал животное удовлетворение, когда тебя, Засухина арестовывал? И других... Не понимал я чего-то — было. Но я и сейчас не понимаю...

— Чего кричишь-то? — остановил его Кошкин.

— Хорошо. Как расшифруют — пусть немедленно несут. Я провожу майора — и в третий взвод. И обзвони — пусть все командиры взводов туда собираются.

— Слушаюсь.— Ординарец исчез так же неожиданно, как и появился. Алейников только на мгновение отвел взгляд — и ординарца уже не было.

— Седьмой — это начальник штаба нашей армии. Наверное, новый комплект прибывает. Свежий эшелон со штрафниками.— Кошкин усмехнулся.— У нас ведь так: один бой — и я остаюсь без списочного состава. С остатками — кого пуля или осколок не тронули — отходим на доукомплектовку. Остаток бывает, как правило, чисто символический.

— Да, это понятно,— сказал Алейников.

— Освобождаем иногда и таких, которые в бою и царапины не получили, но отличились, проявили отвагу и бесстрашие. Но трибуналы на это идут неохотно.

Они шагали к берегу речки, протекающей на задах бывшей деревни. Там под жидкими деревцами, переломанными колесами немецких и советских танков, грузовиков, повозок, остался Гриша Еременко с машиной: он попросил разрешения искупаться, постирать белье, портянки.

Унылая картина разрушенной деревушки — груды обгоревших бревен, развороченные взрывами постройки, торчащие среди пепелищ печные трубы — угнетающе действовала на Алейникова. Все это он видел десятки и сотни раз, но привыкнуть к таким картинам не мог, сердце у него всегда больно сжималось, и Якову чудилось, что обезображенная земля истекает своей земляной кровью и весь земной шар, как живое существо, тяжко, мучительно стонет от невыносимой боли.

Как только они вышли еще из дома, Алейников поднял с земли сухой прутик и всю дорогу нащелкивал по голенищу. Наконец он отбросил прутик, остановился и проговорил:

— Знаешь, что мне хочется сказать тебе? Хотя ты вряд ли поверишь...

— Ты скажи, а я тебе честно отвечу, поверю или не поверю.

— Завидую я тебе. Всей твоей... судьбе.

Командир штрафной роты смотрел на Алейникова прямо, в его темных глазах не было ни удивления, ни насмешки, хотя Яков ожидал все это увидеть. Только уголки обветренных губ чуть шевельнулись.

всем. А во всем, говорил он, человечество разберется рано или поздно.

— Наверное... Иначе как же? Что бы я ни отдал, чтобы дожить до этого времени!

— Доживем, Яков Николаевич! — убежденно произнес Кошкин.

После этих слов Алейникову сразу стало как-то свободнее и легче, будто тяжкий каменный жернов, незримо лежавший на плечах, вдруг неизвестно каким образом начал превращаться в песок и осыпаться вниз, к ногам. Яков радостно повел плечами, посмотрел Кошкину прямо в глаза.

— Не представляешь ты, Данила Иванович, как я рад, что судьба свела нас тут, что мы встретились. Поверь еще раз — я не могу и представить сейчас, как бы жил дальше без этой встречи...

— Да что ж,— проговорил тот.— Я тоже, Яков, доволен...

Из-за порыжелого холма, который огибала спускающаяся из деревни вниз к речке дорога, показался ординарец Кошкина, увидел своего командира, побежал бегом.

— Шифровку расколдовали,— сказал Кошкин.

Ординарец, подбежав, бросил руку к пилотке, хотел что-то доложить, но командир роты опередил:

— Ладно, давай.

Он взял из рук ординарца листок, глянул в него, усмехнулся.

— Так и есть. Через три дня пополнение прибывает. Не могли повременить, черти. После завтрашнего боя у нас столько дел будет.

— Заботятся об нас, Данило Иванович,— с усмешкой вставил ординарец.

— Разговорчики! — оборвал его Кошкин.— Командиры взводов собрались?

— Так точно, товарищ капитан.

— Ступай. Я сейчас приду.

Ординарец повернулся и побежал обратно к холму.

— Славный парень из него получился. Два раза мне жизнь спасал.

Кошкин положил шифровку в карман гимнастерки, поправил пистолетную кобуру.

— Доукомплектовка под Щиграми будет...— Кошкин усмехнулся.— Веселое это времечко — доукомплектовка у нас. Поездной конвой отбывает восвояси, а свежие штрафнички и начинают «развлекаться». В основном грабеж мирного населения... Отлично знают, предупреждены, что это — расстрел на месте. Но такие есть артисты! Пока утихомирим...

ЫЙ ЗОВ

Яков обмяк, во всем его теле вдруг явственно обозначилась неимоверная усталость. Он тяжело поставил локти на стол и уронил голову в ладони.

— Тут закричишь.

Так он и сидел, пока командир штрафной роты не произнес:

— Ну, мне пора, Яков Николаевич.

На улице был прежний изнуряющий зной. Неподалеку от дома, в котором они обедали, возле развалин какой-то постройки, стояли две распряженных лошади, яростно мотали головами, одурев, видно, от жары. Чуть поодаль дымились две кухни, но людей ни возле разрушенного сарая, ни возле кухонь не было видно.

Едва они вышли, сзади, неизвестно откуда, возник ординарец Кошкина.

— Ну, что?

— От седьмого шифровка пришла, товарищ капитан, из узла связи звонили. Только что.

— Я верю тебе, Яков,— сказал Кошкин тихо и грустно.

И именно потому, что он произнес это негромким, чуть раздумчивым голосом, Алейников убедился в его искренности, к горлу что-то подступило, он отвернулся и глянул зачем-то вверх, косматое солнце больно хлестануло его по глазам, он закрыл их и потер пальцами веки.

— Мы, Яков, много там... с Василием Степановичем Засухиным говорили о тебе... и вообще — обо всех этих делах,— меж тем говорил Кошкин.— Светлая была у него голова. Ну, сладко ли там, горько ли нам было — сам понимаешь. Я в нашем горе тогда тебя во всем винил. Василий — больше Полипова, который был секретарем после Кружилина. Вот это, говорит, страшный человек.

— Ну что ж... спасибо ему, Василию Степановичу,— с трудом, через силу вымолвил Алейников.

— Да-а... Больше — Полипова, но не во

— Да представляю. Не представляю только, как справляетесь.

— Остатки от прежнего состава крепко помогают. Знаешь, штрафник, побывавший в бою, совсем другой человек. Удивительно порой, как несколько часов, иногда даже минут — хотя короткие бои у нас случаются редко — меняют людей. Такие уркаганы, что пробы ставить уже негде, вроде вон моего ординарца, человеческий облик обретают. А то и ягнятами становятся. Туда ведь, за край жизни, заглядывать страшно, там можно многое увидеть. И весь уркаганный лоск сразу лохмотьями слезает... Ну что ж, Яков...— И Кошкин протянул руку.

То ли потому, что Кошкин назвал его просто по имени, то ли оттого, что в голосе командира штрафной роты явственно прозвучала искренность, сердечность даже, Алейников вдруг опять разволновался, как мальчишка, почувствовал, что к лицу подступила вся кровь. И еще больше смешавшись от мысли, что Кошкин заметит его состояние,

торопливо схватил протянутую руку, но не пожал ее, а грубо дернул Кошкина к себе, обнял за горячие плечи.

— До свидания... Спасибо, останемся живы — встретимся в Шантаре.

— Встретимся, Яков Николаевич, чего ж...— сбивчиво промолвил и Кошкин.

— Непонятно мне только, чего ж ты этого типа... этого Зубова не расстрелял? — неожиданно для самого себя проговорил Алейников.— Он же снова может...

— Не думаю,— ответил Кошкин, оправляя гимнастерку.— И как тебе сказать? Любопытен мне чем-то этот тип.

— Чем же?

— Ну как же... Ведь сын нашего классового врага, как говорится — царского полковника, колчаковского карателя, с которым мы в гражданскую дрались,— усмехнулся Кошкин.— Как-никак, пусть под гнетом закона, но воюет за интересы, противоположные интересам его отца... Эта троица — Зубов, Кафтанов, Гвоздев — прибыли в роту давно. Еще до Валуек участвовали в двух боях. И странное дело — ни один из них даже царапины не получил. Будто заколдованные. Все трое — барахло человечье, конечно. Но в боях вели себя по-разному. Кафтанов и Гвоздев все норовят в бою за спины других. А Зубов в самое пекло лезет. А он у них главарь... Что он — смерти ищет? Или что-то тут другое?

— Смерти-то вряд ли. На ранение рассчитывает.

Кошкин глянул на часы, машинально проверил, все ли пуговицы застегнуты на гимнастерке.

— Может быть и так. Но люди, Яков, интересные, что ни человек — то... экземпляр. А в Валуйках, по-моему, он, стреляя в меня, промахнулся умышленно.

— Вон как! Зачем же тогда стрелял?

— Ну, у них, у воров, не как у фрайеров,— усмехнулся Кошкин.— Надеюсь, жаргон их знаешь? Штрафники из уголовщины все считаются ворами. Остальные для них фрайеры. А воры живут и здесь по своим законам... Возможно, Зубов провинился в чем-то перед другими, более могущественными ворами, а те приговорили его таким образом загладить вину. Может, задолжал кому... Или просто в карты меня проиграл. У нас ведь и такое бывает. Нынче весной двух командиров взводов таким образом потеряли. И виновных не нашли, к сожалению.

— Где ты находишь мужество... командовать этой ротой?! — воскликнул невольно Алейников.

— Н-да... А я вот тоже не могу тогда понять, где ты, Яков Николаевич, берешь мужество, чтобы в тыл к немцам ходить, в самое их логово? — И командир штрафной роты в третий раз глянул на часы.— Ну, извини, мне давно пора. Каждый бой для нас — это бой-прорыв, топтаться на месте, а тем более отступать мы не имеем права. Так что надо мне подготовить роту. Кошкин взглянул на Алейникова и чуть изменившимся голосом, отчетливо выговаривая каждое слово, переспросил:

— Значит, боялся попасть в командиры к штрафникам?

В глазах Алейникова вспыхнули колючие искорки. Алейников это почувствовал сам и тут же притушил, спросил с грустной горечью:

— Смеешься?

— Да нет, Яков. Командовать штрафной ротой — не мед пить,— со вздохом ответил Кошкин.— Но приказали бы тебе — и стал бы командовать.— Голос его дрогнул и посуровел, зазвучал жестче, на скулах вспухли и заходили желваки.— Идет война с жестоким, озверевшим врагом. Не на жизнь, а на смерть идет! И тут не до личных эмоций и желаний. Надо будет Родине — мы выполним любой ее приказ. Любой!

* * *

Алейников, перебирая в памяти разговор с Кошкиным, спускался по тропинке к речке, где остался Гриша Еременко с машиной. Тропинка шла по косогорчику, заросшему травой, еще не пожелтевшей под солнцем, но и давно не свежей. Слева чернели две, одна возле другой, огромные воронки от тяжелых снарядов, в каждой яме могло бы спрятаться по танку. В траве и по краям белели искрящиеся шарики поспевших одуванчиков, и Алейников почему-то подумал: «Интересно, у каждого жизнь своя. Наверное, уж после того, как сюда упали снаряды, одуванчики успели расцвесть, созреть и дать семена...»

Все время, пока разговаривал с Кошкиным, у него было почему-то желание сообщить, что тут неподалеку находятся еще несколько их земляков, и удивить, что один из них — Федор Савельев, предал Родину, служит у немцев карателем, но не сообщил, как-то не нашел для этого подходящего момента в разговоре и теперь жалел об этом.

Тропинка вильнула в низкорослый кустарник, выбежала из него на речную луговину, и там, у края кустарника, в жидкой тени, сидел Зубов и строгал перочинным ножом прутик. Метрах в двухстах от Зубова стояла на берегу речушки машина Алейникова, блестя под солнцем вымытыми стеклами, Еременко в одних трусах лежал рядом с машиной на траве, загорал. «Ишь, химик,— с завистью, но без раздражения подумал Яков, вспомнил вдруг в который раз за сегодняшний день жену Галину и сына и то, как они все втроем ходили иногда на Громотуху и жена, накупавшись, подолгу лежала на песке или траве — она очень любила загорать. «Где она сейчас? — подумал он. — На фронте, видимо. Жива ли?»

При мысли о бывшей жене сердце Алейникова тупо заныло. Он глянул на поднявшегося навстречу Зубова и как-то даже не удивился, что тот сидит здесь, прошел мимо, все думая о жене, о том, что Галина была ведь единственной женщиной, которую он знал как мужчина, она была хорошим человеком, но жизнь сложилась так, что он ее потерял навсегда.

— Товарищ майор, — услышал Яков и обернулся. Зубов уже стоял на ногах. — Разрешите спросить, товарищ майор?

— Спрашивай.

Зубов, подойдя, остановился, опустив длинные руки. И глаза опустил, будто разглядывал кулаки, молчал.

— Ну так что же вы? — проговорил Алейников, неизвестно зачем употребив это «вы». — У меня нет времени.

— Я давно хотел поглядеть на вас, — усмехнулся угрюмо Зубов и поднял глаза.— Еще там, в Шантаре, позапрошлой зимой. Да не успел, забрили нас. Вы ж, наверно, помните? А я специально тогда в Шантару приезжал...

— Какая честь! И что во мне такого интересного?

— Шрам вот этот на лице!

— Вот как! — Алейников с любопытством взглянул на Зубова. — Ну, и что же ты хотел спросить?

— Что? — опять усмехнулся Петр Зубов. — Да просто хотел вопросик задать — смысл-то жизни в чем?

— Та-ак... — Алейников вспомнил все, что говорил ему только что об этом человеке командир штрафной роты, с новым каким-то любопытством оглядел Зубова.

Гриша Еременко, заметив своего начальника, стоял уже одетый возле машины.

Зубов срезал новый прутик и опять начал строгать.

— Вопросик! — сказал Алейников. — А может быть, мы несколько сузим эту тему? И скажем, смысл-то чьей жизни? Твоей, моей?

— Зачем суживать? Я спрашиваю — вообще... — И рукой, в которой был зажат перочинный нож, Зубов описал перед собой круг.

— Ну, если вообще... Вообще смысл жизни — в борьбе за счастье человека.

Слова эти не произвели на Зубова никакого действия. Он не торопясь, равнодушно срезал с прутика листочки, один за другим. Потом поглядел в сторону — там неширокая речка, больно сверкая на солнце, утекала за молодую рощицу из берез и осин. За рощицей поднимались какие-то жиденькие дымы и таяли, рассасываясь в летнем горячем небе бесследно.

Потом он усмехнулся.

— Я мальчишка был, но помню, — отец мой также говорил, что он воюет за счастье людей, за судьбу России... Мету-то на щеке он вам, я слышал, оставил?

— Он, — кивнул Алейников. — По-разному мы с ним понимали счастье людей. И судьбу России...

— Ну да... Потому он вам и прилепил этот шрам. А вы его, потому что по-разному, убили! Вы... ты лично виноват в его смерти! — прохрипел зловеще Зубов. — Я все знаю! Ты вывел тогда весь партизанский отряд из каменного мешка, куда загнал вас отец! Ты провел отряд на заимку... Я кое-что помню! И вы напали ночью на нас, сонных...

Алейников не испугался хрипучего и зловещего голоса Зубова, не оскорбило его и то, что этот солдат-штрафник вдруг начал говорить ему «ты».

— А что ж удивляешься?! Он нас бил насмерть, мы — его... Тут уж — кто кого! Борьба классов. Ты, конечно, за отца нам не простишь никогда, сердце все стонет. Ты в Кошкина, в командира своей роты, стрелял...

— Она не моя. Она — штрафная! — ощетинился Зубов.

— И ты рано или поздно, при первом удобном случае к немцам перейдешь... сдашься, служить у них будешь!

— Дурак ты, — негромко сказал Зубов.

— Что-о! — вздрогнул Яков, точно его ударили, и рука сама собой скользнула к кобуре, хотя краем сознания он все же понимал, что если выхватит пистолет — сделает глупость. Стрелять все равно не будет — за что же стрелять, штрафник этот стоит себе спокойно с перочинным ножичком, строгает палочку. За оскорбительное слово? Хорош он тогда будет.

Зубов краем глаза наблюдал за Алейниковым, позы не изменил, только перестал строгать и окаменел весь, ждал... Рука Якова обмякла, опала.

— То, что слышал, — усмехнулся Зубов. — Меня, к твоему сведению, немцы еще в сорок первом из курской тюрьмы освободили и должность в городской полиции давали. И если б я схотел...

— Чего ж не схотел? — спросил Алейников, испытывая к самому себе мерзкое чувство за то, что не сдержался и чуть не выхватил пистолет.

— Не знаю... А пушку свою ты бы все равно не успел вытащить, — еще раз усмехнулся Зубов и поглядел на свой скромный перочинный ножичек. — Вот эта штучка — острее бритвы. Чиркнул бы по шее — и хрипел бы сейчас... Тогда-то мне бы уж ничего не оставалось, как к немцам.

Зубов тяжко и шумно вздохнул, с резким щелчком закрыл свой перочинный ножик, спрятал в карман.

— Ладно... Отца я жалею, конечно. Но сердце не стонет, перестало, — сказал он негромко. И, поймав на себе взгляд Алейникова, добавил: — Я и сам удивляюсь. Видно, делает время свое дело. И борьба классов — ладно. Я пытался кое-что и в этом вопросе понять, разобраться. Книги этого бородатого Карла Маркса пытался читать. И Ленина вашего...

— Ленина? И Маркса?!

— А что ж ты думаешь? Ну, понял я мало. Я несколько классов гимназии кончил — и все. Остальное образование по тюрьмам получил. Тут я — профессор. Но главную мысль насчет борьбы этих классов уловил...

Зубов склонил большую, давно не стриженную голову вниз и замолчал. Потом встряхнул головой.

— Бедные, богатые, капитализм, коммунизм... Все в мире — как огонь и вода. В общем — кто кого зальет...

— Примерно так, — сказал Алейников.

— Чего — примерно? — Глаза Зубова заблестели как-то странно, явственно проступила в них унылая и, кажется, застарелая боль. — Так и есть! И когда схлестнутся — пар до неба свищет. Кровавый.

— Кровавый, — согласился Алейников.

— Я мальчишкой был — и меня этот пар насквозь ошпарил. Да, к беде моей, не до смерти. И пошел я от злости куролесить. И еще — от бессилия, от тоски. Не поверите?

Взгляд Зубова, этого солдата-штрафника, был открытым, незащищенным каким-то, в зеленоватых глазах стояла все та же боль. И Алейников сказал не сразу:

— Что ж... Понять это я могу.

— А тогда это еще больше, чем поверить, — будто самому себе проговорил Зубов. — Только не подумайте, Яков Николаевич, что я помощи какой-то от вас хочу, из штрафной роты, мол, пытается выбраться... Это меня оскорбит. Я гордый. Не-ет...

— Этого я, Зубов, не думаю... — И, глядя, как тот переломил и бросил свой оструганный прутик, добавил: — А разговор у нас, чувствую, долгий будет. Сядем тогда, что ли... — И он первый опустился на обочину тропинки в бледную тень от редких кустарников. — Сколько у тебя сроку-то было?

— У меня — вышка, — коротко сказал Зубов.

— За что?

— За совокупность.

— Это как так?

— Когда взяли меня в Шантаре зимой сорок второго... Макар Кафтанов там автолавку какую-то пощупал, а я был ни при чем. Что я за птица — им было неведомо, но ясно, что фазан, — взяли меня с оружием. Покрутили, повертели — и отправили всех троих — меня, Кафтанова и Гвоздева — в Новосибирск. Ну, а там я судился раза четыре. Подержали там месяцев шесть, раскопали всю мою скромную деятельность. Сроку у меня было ровно на пятьдесят лет. Думал я, не все наскребут. Я и в Киеве судился и на Кавказе... И еще кое-где. Война ж, думаю, кое-чего и не добудут. Нет, прояснили все до конца. Хорошо работаете... Пенсию не зря получать будете. Ну и решили, видно, — хватит валандаться, все равно из тюрьмы живым человеком не выйдет, так и так хоронить за казенный счет — и приговорили к высшей мере... Я даже както и... не шелохнулся. Онемело все внутри только — и приятно стало: наконец-то, думаю... С тем и сижу в камере смертников. Но... — Зубов сплюнул в сторону сквозь желтые и крепкие зубы. — Вот же проклятая человеческая порода! Душа устала, тело покоя просит, а в мозгу, слышу, посасывать стало: неужели и вправду конец?! Короче, написал бумагу о помиловании. Биографию всю изобразил. Осколок, мол, человечий я... Про отца написал все, в общем. И еще на два момента упор сделал: у немцев, хотя они предлагали службу, не остался, мне, русскому, невмоготу видеть, как они нашу землю поганят. И что мокрых дел за мной не было.

— Не было?!

— Ни одного, — сказал Зубов. — Не люблю я этого.

— Не любишь! Ты ж в Кошкина, в своего командира роты, стрелял!

— Ну и что? — Зубов почему-то брезгливо дернул губами. — Живой же он... В общем, в помилование не верил и не ждал его. Таких, как я, с таким сроком, не милуют. Я ненавидел себя за слабость — я не люблю на колени становиться... А оно пришло, заменили мне вышку штрафной ротой. — В зеленых глазах Зубова плеснулась усмешка и тут же погасла, они снова стали пустыми и грустными. — Ну, да понятно, нужда в штрафниках сейчас большая...

— Скажи... ты умышленно стрелял в Кошкина мимо? — спросил Алейников.

Зубов, не поднимая головы, бросил на Якова взгляд исподлобья и тут же опустил короткие, выгоревшие на солнце ресницы. И ничего не ответил, только чуть заметно пожал плечами.

— Ну, а... почему стрелял? Что тебя заставило?

— Вам это очень нужно знать?

— Любопытно.

— По приговору.

— По какому? Как понять?

Зубов поглядел на стоящую неподалеку машину Алейникова, наблюдая, кажется, за шофером, который от нечего делать ходил вокруг «эмки», постукивая сапогом в скаты.

— В Валуйках ротой и не Кошкин командовал, — хрипуче произнес наконец Зубов. — Был тогда в роте... — И вдруг оборвал себя на полуслове, поднял тяжелую голову. — Ваши дела, товарищ Алейников, должно быть, не сладкие. Я уж знаю... А наши еще страшнее. Может, не надо... об них до конца-то?

— Я не слабонервный, — усмехнулся Алейников.

— Ладно, — уронил смешок и Зубов. — Был тогда в роте штрафник Мишка• Крайзер, по кличке «Горилла». И по виду горилла. В зоопарке я только видел таких в железных клетках. Страшный человек, во всем преступном мире известный. Я против него — птичка-синичка. Он и был верховным в роте... Такие дела творил! И на людей в карты играл... Прошлой весной командира своего взвода проиграл и в тот же вечер шею финкой просадил. Нож он бросает, сволочь, на тридцать метров точно в яблочко. Назначили другого командира — он и того проиграл.

— Во-он, оказывается, кто! — проговорил Алейников, вспомнив рассказ Кошкина.

Зубов всем телом повернулся к Якову, вопросительно поглядел, но ничего не сказал. И, когда отвернулся, вздохнул, а потом только проговорил:

— Горилла — мертвый. Но все равно мне за то, что я рассказываю, финарь полагается.

— Не бойся. Не выдам.

— Да я и не боюсь, — промолвил Зубов устало. — И в бою я ничего не боюсь — ни пули, ни снаряда. Только не берут, проклятые.

— И это я знаю... Мне Кошкин говорил...

— Кошкин... — повторил Зубов как-то бесцветно. — Он ведь тоже, кажется, против моего отца воевал?

— Он был в нашем партизанском отряде тогда, — подтвердил Алейников.

— Да-а... Застрели я Кошкина, вы бы вот считали — за отца, мол, по классовым убеждениям. А дело по-другому было. За Гориллу. Кошкина приговорили. Мы под Валуйками долго стояли, и Горилла со своими телохранителями — были у него такие — где-то трех женщин поймали в степи. Одна даже совсем девчонка, лет, может, пятнадцать-шестнадцать. Спрятали их в овраге, земляную дыру специально вырыли, охрану свою поставили... Ну и, сами понимаете... Чуть не вся рота там перебывала...

На сильной и черной от солнца шее Зубова напряглась, туго натянулась острая жила, потом мелко задрожала, причинив, видимо, Зубову боль, и он потер шею ладонью.

— И ты... ты был?

— Был... Горилла плату установил, как в публичном доме. Раз в карты, говорит, не везет... Боже мой! Я — подлец и сволочь, и вышку мне — правильно! Но почему таких, как Горилла, в живых держат?! Какая ему штрафная там?.. Его... ему...

Зубов не мог говорить, стал тереть ладонью о землю.

— А ты чем лучше, раз смог?! — выкрикнул Алейников хрипло.

— Я... я не смог. И зачем пошел, не знаю. Из любопытства, что ли. Мы втроем пошли — Кафтанов, Гвоздев и я...

— Кошкин... Кошкин знает?! — Алейников хотел подняться, но Зубов мгновенно бросил тяжелую ладонь ему на колено, цепко и больно сдавил пальцами. И неожиданно спокойным голосом проговорил:

— Тихо... Сперва дослушай. Кошкин потом узнал. Не от меня только. От кого — не знаю... И всю обойму в Гориллу вылупил. Зверь это был — не человек. Кошкин стреляет, садит пули ему в спину, в затылок, в голову, а Горилла пытается с земли подняться. Хрипит, землю пальцами пишет и на колени встает, встает. Мы так и думали: встанет во весь рост и двинется на Кошкина. Нет, рухнул.

Глуховатый голос Зубова звучал теперь ровно, говорил он без видимых усилий, и только иногда чувствовалось, что какое-то слово дается ему нелегко.

Он умолк, помолчал с полминуты, и Алейников его не торопил, ждал терпеливо, понимая, что тот снова заговорит сам.

— А я... тогда не смог. Все женщины

были уже смертельно замучены, уже без сознания, ничего не понимали. Да какие там женщины? Голые, костлявые трупы... Девчушка лежала без движения, а те, постарше, еще шевелились... Вздрогнул я отчего-то и тут же сообразил — пряжка зазвенела. Гляжу — Гвоздев к девчушке прилаживается. И взорвалась у меня будто граната в черепе — да она ж, наверно, мертвая уж! Ну и... Гвоздева, как щенка, за шиворот приподнял и наружу швырнул, повернулся к Кафтанову. Тот, помню только, попятился от меня, в глазах его смертельный страх. Наверное, такой вид у меня был...

На этот раз Зубов молчал долго. Гриша Еременко, удивленный, видимо, о чем это ведет такую длинную беседу его начальник, сел на крыле машины, закурил.

— Я думаю, что Кафтанов с Гвоздевым и капнули телохранителям Гориллы, будто я его заложил... — проговорил Зубов. — Но полной уверенности ни у кого не было, иначе бы они со мной не так... А здесь только и поручили мне «приговор» исполнить. За Гориллу они приговорили Кошкина в тот же вечер... Посмотрим, мол, как он, то есть я...

— И что ж ты?

Петр Зубов пожал плечами.

— Не обрадовался. Дураку ясно, за такое дело — расстрел. Откажусь выполнить «приговор» — тоже смерть. С той лишь разницей, что не знаешь, когда, где и как она наступит. То ли нож под ребро воткнут, то ли в кусты оттащат и голыми руками задушат...

Зубов поглядел на сожженное солнцем небо и уронил беззвучный смешок:

— Но и не испугался...

— Врешь, испугался, — неожиданно проговорил Алейников. Зубов вопросительно приподнял на него глаза. И Алейников пояснил: — Была у тебя вышка, но после ранения в бою мог быть свободен, все прошлое могло враз похериться. На войне только может такое быть... Разве не думал, не надеялся на это?

Зубов опустил глаза и несколько секунд помолчал. Потом вздохнул тяжко, глубоко и через силу будто промолвил прежнее:

— Нет, не испугался. А думать — что ж... Об этом у нас все невольно думают и надеются. И я, конечно... Сильно тоскливо мне стало просто, Яков Николаевич, а испуга не было.

Потянула откуда-то из-за реки тугая и душная струя воздуха, принесла горький запах сожженной земли. И Зубов будто от этого запаха поморщился. Опять пошевелил плечами, словно пытаясь что-то сбросить с них. И заговорил дальше, через силу сдерживая накопившееся где-то внутри раздражение:

— Да, напала тоска. Черт ее знает, что за штуковина это такая... И раньше бывало — нахлынет без всякой причины, как на сопливого интеллигента — ну, хоть в петлю лезь. Водкой глушил ее. А тут... И вдруг все в невиданную злобу перешло. В звериную!

— К кому?

— К кому?! — Зубов сплюнул на землю.— Да, к кому? Это не так просто объяснить, если честно. К этому волосатому Горилле, хотя он уже был мертвый! К его телохранителям... На тактических занятиях подползают ко мне: давай, мол, вон Кошкин возле кустов маячит, ночь темная, не поймут, кто стрелял. А мы не выдадим... Кой черт, думаю, не выдадите! Сами же руки и скрутите, если прихлопну командира роты... Суют мне в руки пистолет. Оружия нам до боя не выдают, на тактических занятиях с деревяшками бегаем. Ну, да этого добра на войне прикарманить — чего стоит... Тут-то и захлебнулся я злобой ко всему на свете! В том числе и к Кошкину. К себе, ко всей этой кошмарной жизни! Вырвал я пистолет... Опять же верь, хоть нет — поверх всего ошпарила мысль — в телохранителей Гориллы разрядить его! Да черт его знает, сколько в нем патронов, а их — четверо... Ну и лупанул в Кошкина.

Зубов замолчал, начал царапать всей пятерней грудь под гимнастеркой.

— Что ж дальше? — спросил Алейников.

— А дальше так и вышло, как я думал. «Сволочь! Ты ж не прицелился! Ну, и подыхай!.. Это он, Зубов, товарищ капитан, хотел вас...» Это они уж подскочившему Кошкину кричат, подбежавшим бойцам. У Кошкина пистолет в руке уже дергается. «Про-очь!» — заорал он. Державшие меня Гориллины дружки брызнули в стороны, как тараканы. Я лежу распластанный на земле. «Ты?!» — прокричал Кошкин, поднимая наган. И тут я... понял в какую-то секунду, что не выстрелит он. Приподнялся и сел.— «Я, говорю...»

— Как же... понял?

— Э-э, Яков Николаевич... Как все объяснить? На какой-то миг Кошкин задержал зрачки на тех четырех, что отскочили от меня. А я заметил... Знает он нашу братию, за что и уважают его. Нюхом почуял, что не во мне тут дело. И я это понял. Да-а. ...А если б я сказал: нет, не я — он бы выстрелил, я думаю...

— Безусловно, — сказал Алейников и поднялся.

Зубов тоже встал вслед за ним и потоптался, разминая затекшие ноги.

— Эти... телохранители где сейчас? Тут? — спросил Алейников.

— Под Валуйками остались. Бой там был — таких, Кошкин говорит, даже он не видывал. От роты осталось человек с полсотни...— И, видя, что Алейников пристально глядит на него, добавил с усмешкой:— Нет, не я их, немцы. Я еще раз повторяю: ни мокрыми делами... ни в спины людей, кроме немцев, не стрелял. Верь, не верь — мне это без нужды. Говорю, как есть... И этих, Макара Кафтанова с Гвоздевым, не тронул, хотя они, сволочи, меня продали, больше некому...

Зубов умолк. Они молча стояли теперь друг против друга. Зубов глядел куда-то в сторону, а Яков Алейников словно ждал еще каких-то его слов.

— Ну что ж, прощайте, Яков Николаевич,— произнес наконец Зубов.— Извините, товарищ майор, что я... Мне просто хотелось... хотя и не такой, может, разговор вышел, как я хотел. Главного вопроса я так и не задал.

— А ты задай, — сказал Алейников.

— А вы ответите?

— Если смогу, чего же...

— Ладно... — В прищуренных глазах его возникла почему-то неприязнь, они засветились злорадным зеленым холодком. — Он простой, этот вопрос. Завтра на рассвете у нас смертельный бой опять. И скорей всего я погибну — сколько же судьбе закрывать меня? Но если случится чудо, заденет меня пуля, а живой останусь — смысл-то в этом какой будет? Если останусь — будет?

Алейников молчал, Зубов, помедлив, спросил несколько по-другому:

— От людей мне прощение может быть или нет?

— От людей? — переспросил Алейников, пораженный не тем, что подобный вопрос задает человек, приговоренный за преступления против общества к высшей мере наказания — расстрелу, и только чудом это наказание ему заменено пребыванием в штрафной роте, а чем-то другим, более сложным и глубинным, что стояло за этим вопросом и что прозвучало в голосе Зубова. — От людей...

— Именно.

Пустынно и тихо было возле небольшой речушки, из которой пили, в которой смывали, конечно, грязь и пот, обмывали раны и немецкие и русские солдаты, в которую падали немецкие и русские снаряды, берега которой размалывали колеса и гусеницы наших и вражеских машин. Израненные, искромсанные во многих местах, эти берега, казалось, еще дымились, в яминах и воронках будто стоял до сего времени пороховой чад и дым. Свирепая и безжалостная битва не однажды подкатывалась к речушке, не однажды бушевала над ее слабеньким и неглубоким руслом, и Алейникову вдруг почудилось, что речонку сто раз могла уничтожить страшная война — завалить крохотную, малосильную полоску воды взрывами бомб и снарядов, затоптать колесами и гусеницами, а вот не уничтожила, не в силах была уничтожить, и упрямая речушка все течет и течет, пробиваясь сквозь перепутанные, переломанные, обожженные кустарники и травы, вскипает под солнцем на маленьких своих перекатах, негромко позванивает слабенькой волной а в крохотных омутах крутит травинки и листья, пока течение, неприметное даже и глазу, не выбьет их на существующий и у этой речушки стрежень и не понесет их куда-то дальше.

— Да, от людей... — в третий раз повторил Яков Алейников.— Вот что, Зубов. Есть разные... разные преступления против людей и против жизни. И я обо всем этом думал — уж поверь мне,— много думал и раздумывал! Одни преступления люди могут простить легко. Стоит, как говорится, покаяться — люди поверят и простят. Они добрые, люди. Прощение за другие надо заслужить делами. Иногда всей жизнью. Иногда смертью только можно это заслужить. ...Но бывают и такие преступления, которые не прощаются. Никогда не прощаются, как бы ни старался потом. Тут хоть жизнь отдай. Ни при жизни, ни после смерти... Закон даже может простить, а люди — нет.

— Например.

— Например, измена Родине.

Алейников смотрел на Зубова, но тот стоял к нему боком, скрестив руки на груди и, сжимая большими, заскорузлыми ладонями плечи, смотрел куда-то в сторону сожженной войной деревни.

— Останешься живой, подумай обо всем этом. Ведь уцелеешь если, жить както придется. А вот как?

— Выходит... Если освободят меня после завтрашнего боя,— выйдет, что не сам я прощение за свои преступления заслужил, а просто... закон мне простил?

— Так выйдет,— кивнул Алейников.

— А люди пока не простят?

На это Алейников лишь пожал плечами: я, мол, все сказал, что ж еще добавить?

— И по твоим рассуждениям выходит, что отца... моего отца ни закон, ни люди никогда не простят?

Алейников прищурил глаза, уголки губ его опустились вниз.

— Никогда. Он был наш классовый враг. Непримиримый и жестокий. Таким и остался до самой своей гибели. Как же могут его люди простить?

— Люди на блюде,— усмехнулся вдруг Зубов зло, едко, кажется, даже остервенело, уронил вниз руки.— Ну, прощевай еще раз, Яков Николаевич... Спасибо за политбеседу.

Зубов все с той же, непонятной теперь Алейникову откровенно враждебной усмешкой секунду-другую глядел ему в лицо, резко отвернулся и пошел вверх по тропинке в сторону деревни, раскачивая широкими плечами, обтянутыми порыжелой гимнастеркой. Не останавливаясь, повернул вдруг голову, проговорил отчетливо:

— Не на блюде даже, а на горячей сковородке.

Никакой усмешки теперь на лице его не было.

...— С кем это вы, товарищ майор, долго так беседовали? — поинтересовался Гриша Еременко, когда они ехали изрытым проселком в расположение дивизии, соседней с 215-й,— Алейников хотел поглядеть, нет ли там более удобного места для предстоящего перехода его группой линии фронта.

— Так... Любопытный человек,— ответил Яков и больше ничего объяснять не стал, лишь потрогал шрам на левой щеке, оставленный на всю жизнь шашкой полковника Зубова. «Не на блюде, а на горячей сковородке...» Алейников нахмурился и вдруг подумал: «А ведь Зубова, если он после завтрашнего боя останется живым, можно было бы, пожалуй, взять с собой в тыл врага. Смело можно было бы...»

Но мысль эта, мелькнув, пропала и больше не возвращалась. Другие дела и заботы нахлынули на Алейникова.

Продолжение следует.

Герард Терборх. 1617—1681. ТУАЛЕТ ДАМЫ. Ок. 1660.

Детройтский институт искусств. Детройт.

Антуан Ленен. 1588—1648. ЮНЫЕ МУЗЫКАНТЫ. Музей изобразительных искусств. Лос-Анджелес.

Антонина КОПТЯЕВА

Олонхо

Какой гигантский край Якутия, суровая и прекрасная в первозданном величии!

Самых бывалых людей поразит она удивительной природой и богатством фауны, северным сиянием, колдовством белых ночей, богатырским размахом тундры и каменными гольцами в горном Алданском районе. Закружит хороводами на весенних праздниках, увлечет оленьими бегами зимой.

А теперь еще одна драгоценность Якутии потрясла нас: стал широко доступен благодаря переводу на русский язык якутский народный эпос — олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Эта книга — настоящий подвиг двух людей: основоположника якутской советской литературы поэта-революционера Платона Ойунского, воссоздавшего на основе народных сказаний текст этого олонхо, и талантливого русского поэта Владимира Державина, с изумительным мастерством переведшего на русский язык гигантское произведение устного народного творчества, донесенного до нашего времени из глуби веков феноменальной памятью сказителей — олонхосутов.

Олонхо имели разных героев, разные сюжеты; размеры их раньше исчислялись по времени исполнения, причем исполнялись они по ночам, когда скотоводы, охотники и рыбаки собирались к домашнему очагу или к огню костров. Такое большое олонхо, как «Нюргун Боотур Стремительный», сказывалось не меньше недели.

Читая его в переводе Державина, поражаешься богатству языка, обилию ярких деталей, красочности образов, живой динамике событий, глубине и разнообразию содержания, совершенству художественной формы. Интересны многочисленные описания природы, обычаев, одежды, всего быта древних якутов. Впечатляюще переданы картины поединков богатырей, и хотя встречаются традиционные былинные повторы, как запевы в отдельных частях эпоса, они всякий раз искрятся новыми оборотами и словами. То драматические, то комические ситуации, волшебные превращения богатырей-исполинов, действия верхних богов и разных духов земли, образы страшных колдуний подземного мира и прекрасных небесных шаманок, напряженность борьбы между злом и добром — все это увлекает читателя и потом долго живет в нем отголосками захватывающей музыки слова. Недаром Державин говорил: «Олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» — как исполинская симфония. Все девять песен его сливаются в стройном звучании, потрясающем величавой мощью, кипением страстей, накалом борьбы богатырей Верхнего мира — гигантов из солнечного племени айыы — с одноглазыми циклопами, людоедами абаасы, населяющими Нижний мир».

Задача перед переводчиками стояла труднейшая, тем более что, как говорил Державин, «по своему сюжету и национальному колориту якутский эпос неповторимо самобытен. И звучание его стиха, оперенного внутренней рифмой, и образный строй несравнимы ни с одним эпосом мира».

Владимир Державин решился перевести его, может быть, потому, что он сам был неповторимо самобытен и как человек и как поэт редкостной одаренности. Это был истинно русский талант, необыкновенно скромный и трудолюбивый. Страстно влюбленный в литературу, он так самоотверженно отдавался делу художественного перевода, что даже не переиздал ни разу книжку собственных стихов, вышедшую в 1936 году. А стихи, причем отличные, он писал и позже.

Делая перевод, Державин стремился воссоздать всю красоту подлинника, соблюдая внешнее сходство и выявляя его эмоциональную глубину. Он говорил: «Художественный перевод не калька, не фотография, а многокрасочный портрет, написанный живой кистью художника. От художника требуется не только разительное сходство с оригиналом, но и раскрытие его духовного мира. То же требуется и от переводчика».

Он был изумительно хорош, когда, загораясь, говорил о переведенных им поэтах Востока: Навои, Фирдоуси, Руми, Хафизе, Джами, Саади, Омаре Хайяме. Среднего роста, худощавый, большелобый, с восторженно сияющими глазами, он легко, почти неслышно ходил по комнате, и мягкие, пушистые волосы светились над его бледным лицом. Бережно, как к чему-то живому, прикасался тонкими руками к обложкам переведенных им книг, а дарил их щедро, оделяя нас радостью общения с великими восточными классиками. Вдохновенно и мастерски он перевел на русский язык эпосы: армянский «Давид Сасунский», латышский «Лачплесис», эстонский «Калевипоэг», стихи Шевченко, Франко и грузинских классиков. Эрудицию настоящего ученого он соединял с самой кропотливой работой над словом и полной отрешенностью от жизненных удобств и покоя. Недаром Сергей Михалков в своем послесловии к олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» называет работу Державина титанической.

Выдающийся узбекский драматург Камиль Яшен писал о В. В. Державине: «Как никто другой, он сумел своими переводами, сохраняя верность подлиннику, дать почувствовать русскому читателю аромат поэзии, рожденной на

Владимир Васильевич Державин.

другом языке... Державин явился основоположником принципиально новой, советской школы художественного перевода поэзии Востока». Эти слова о Владимире Державине особенно дороги сейчас, когда он ушел из жизни, завершив свой последний шедевр, свою лебединую песню — перевод олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

За художественный перевод «Нюргуна Боотура Стремительного» поэт Владимир Державин удостоен Якутской республиканской премии имени П. А. Ойунского в области литературы и искусства 1976 года.

Нюргун Боотур — избранник богов — совершает подвиги, борясь за счастье людей. Его устремления, как и вся идея этого олонхо, проникнуты гуманностью: великий воин-богатырь не стремится к завоеванию чужих земель. Он благороден, честен, целомудрен в своем отношении к женщинам. Но становится страшным и грозным перед лицом смертельной опасности, перед которой никогда не отступает, несмотря на то, что бывают и у него минуты слабости и страха.

Верховным правителем мира в олонхо, как и в древней религии якутов, является Белый Великий господин Юрюнг Аар Тойон, который находится

На вершине трехъярусных
Светлых небес,
В обители полуденных лучей,
Где воздух ласково голубой,
Среди озера — никогда
Не видавшего ни стужи, ни льда,
На престоле, что вырублен целиком
Из молочно-белой скалы,
Нежным зноем дыша,
В сединах белых, как молоко...
...Говорят, восседает он...

Юрюнг Аар Тойон и его супруга, равная блеском ему, породили светлое племя айыы, живущих в улусах солнца. Но, кроме рода айыы, были еще верхние абаасы, порожденные чудовищем Улуу Тойон, и людоеды — абаасы, отец которых, с клыками, торчащими, как остроги,— Арсан Дуолай. И в незапамятные времена три враждебных рода богатырей:

Светлые исполины айыы
И враги их — верхние абаасы
И подземные абаасы,
Копьями на лету потрясая,
С воплем сшибались, дрались;
Рогатины всаживали друг в друга...

У брата владыки белых небес родился сын — богатырь Нюргун Боотур Стремительный. Едва появившись из чрева матери, он начал пронзительно кричать:

Эй вы, черные плуты,
Лукавые псы,
Навыворот мыслящие лжецы,
Объедалы, готовые мир сожрать,
Судьи и господа!..
...По вашему грозному я суду
Вброд, как по мелкой воде, прсйду!
Растопчу я, вихрем смету
Племя верхних абаасы,
Раздавлю жилища и очаги
Нижних абаасы,
По ветру развею золой
Солнечный род айыы...
Очень уж разбогатели вы,
Вознеслись, обнаглели вы,
У пешего посох, у конного плеть
Вздумали отбирать?

Встревоженные и напуганные угрозами новорожденного богатыря предводители трех родов обратились к богам судьбы, чтобы они решили, как с ним быть. И те приказали шестерым небесным шаманкам, связав яростное дитя волшебным канатом, сбросить его в преисподнюю, где стоят три древние железные колыбели: в которую он упадет, та и определит его судьбу. И вот «бедное каменное дитя, рожденное на небесах, задыхаясь, плача, крича, покатилось в темный пролом...».

Страшная и фантастическая картина. Но в мрачной образности своей она достоверна. Так и все это олонхо, при его волшебных превращениях, необыкновенных, чудовищных преувеличениях — гиперболах, ощущается как бурлящий, искрометный поток жизни, и сказочной и реально волнующей то горячим сочувствием, то возмущением. Надо представить, как слушали это олонхо в осеннее и зимнее время в северном краю, где зимой солнце не показывается по нескольку месяцев, неграмотные якуты, считавшие себя потомками жителей солнечных улусов — людей айыы с поводьями за спиной. Солнечными поводьями якутов, коротавших черные полярные ночи, когда они слушали олонхосутов, были светлые стремления к справедливости и счастливой жизни.

Благородство, верность, храбрость и мужество добрых богатырей вполне соответствуют всей гуманной идее колоссального сказания. Прекрасно то, что мечта народа высказана в эпосе в увлекательной художественной форме.

Якутское олонхо можно перечитывать бесконечно, как бесконечно слушали его якуты в устном исполнении олонхосутов. И мы можем от души поздравить и якутских писателей и народ Якутии с выходом их Северной Одиссеи к мировому читателю, тем более что мечты о счастливой жизни на земле, выраженные в ней так страстно и ярко, теперь осуществились.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

НОВОСТИ • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ

На «Москвичах» — за облака

В марафонский автопробег по стране отправились два серийных «Москвича» производства Московского автозавода имени Ленинского комсомола. Им предстоит пересечь Каракумы, преодолеть высокогорные перевалы Памира, пройти трудными дорогами Казахстана.

Испытания проводятся «под флагом» АЗЛКа и журнала «Огонек».

Вот что рассказал о цели автопробега главный инженер АЗЛКа Виктор Тимофеевич ПОЗДНЕЕВ:

— Полгода назад с конвейера АЗЛКа сошла новая модель — «Москвич-2140». Ее выпуск начался незадолго до открытия XXV съезда КПСС. Повысить качество машины — вот главная задача, которую решает сегодня коллектив завода.

Как поведет себя во время трудного испытательного автопробега «Москвич»? Выдержат ли тяжелые нагрузки бездорожья двигатель и кузов машины, новая передняя подвеска и амортизаторы? Справятся ли со своими обязанностями дисковые тормоза на головокружительных перевалах Памира? А что «скажет» в ответ на виражи и серпантины дорог новая рулевая колонка?

Вопросов немало, и этот испытательный автопробег, надеемся, даст исчерпывающие ответы на многие из них.

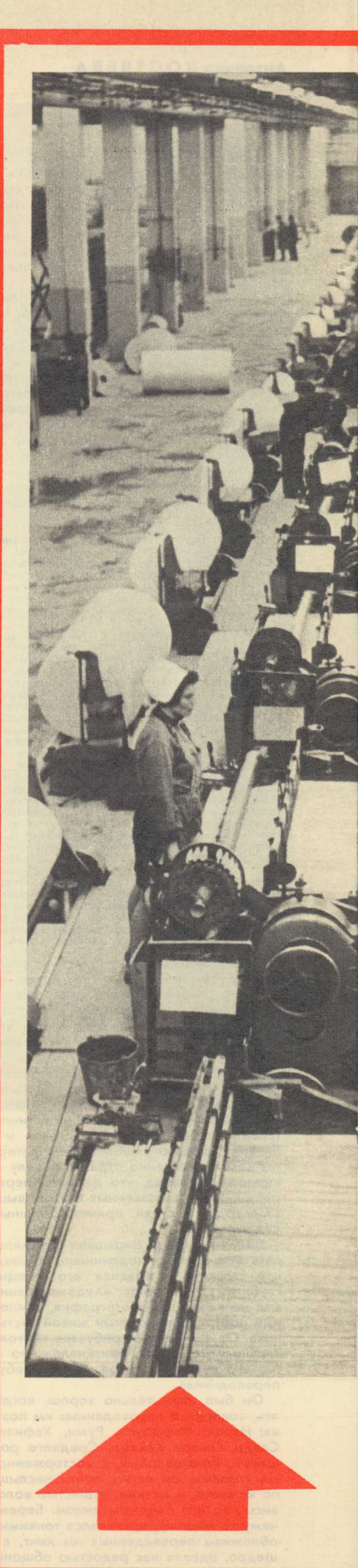
Кроме технического состояния «Москвича», нас интересует и его комфортабельность. Ведь длительное путешествие человека в машине, да еще в трудных условиях бездорожья и высокогорья, не должно отражаться на его физическом состоянии. Вот почему во время этих испытаний будут держать серьезный экзамен не только моторостроители и сборщики, конструкторы и техники, но и заводские дизайнеры. Насколько удобными окажутся новой формы кресла, не будет ли раздражать и утомлять водителя интерьер салона? Как поведут себя отопительная и вентиляционная системы? Надо не забывать, что за время испытаний машины побывают во всех климатических поясах нашей страны, а на Памире поднимутся выше облаков. Мы получим необходимую информацию, которая поможет нам в дальнейшем выпускать машины еще более комфортабельные и надежные.

Иной читатель может спросить: неужели до сих пор не проводились подобные испытания новых «Москвичей»? Да, проводились и будут проводиться до тех пор, пока машина сходит с заводского конвейера. Таково правило в современном автомобилестроении.

Малолитражки с эмблемой АЗЛК принимали участие в международных ралли и завоевывали призы. Технические испытания проводились и в нашей стране. Но столь масштабные испытания «Москвичей» проводятся впервые.

В пробег направляются две машины. Одну из них поведет опытный водитель-испытатель С. Герасимов, другую — специальный корреспондент «Огонька» В. Засеев.

На снимке: С. Герасимов перед стартом.

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, НАТАША!

Живет в городе Арсеньеве, Приморского края, шестнадцатилетняя гражданка Союза Советских Социалистических Республик Наталья Колесник. Паспорт девочке вручали «крестные отцы» Иван Николаевич Деркач, Иван Александрович Цымбал и Анатолий Кириллович Геец. Вместе с паспортом девушка получила памятную медаль, с большой любовью сделанную руками рабочих Уссурийского локомотивного депо. На медали высечен контур паровоза Еа-3339 и надпись: «Дубининский — Лимичевка».

— При чем здесь паровоз? — спросите вы.

А при том, что в будке этого паровоза на перегоне Дубининский — Лимичевка и родилась Наташа. Родители ее, Виктор и Валентина Колесник, работали обходчиками железнодорожных путей от Озерной до Ипполитовки. Валентина готовилась стать матерью. Неожиданно холодной февральской ночью женщине стало плохо. Тогда путейцы остановили товарный состав, шедший в Уссурийск.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

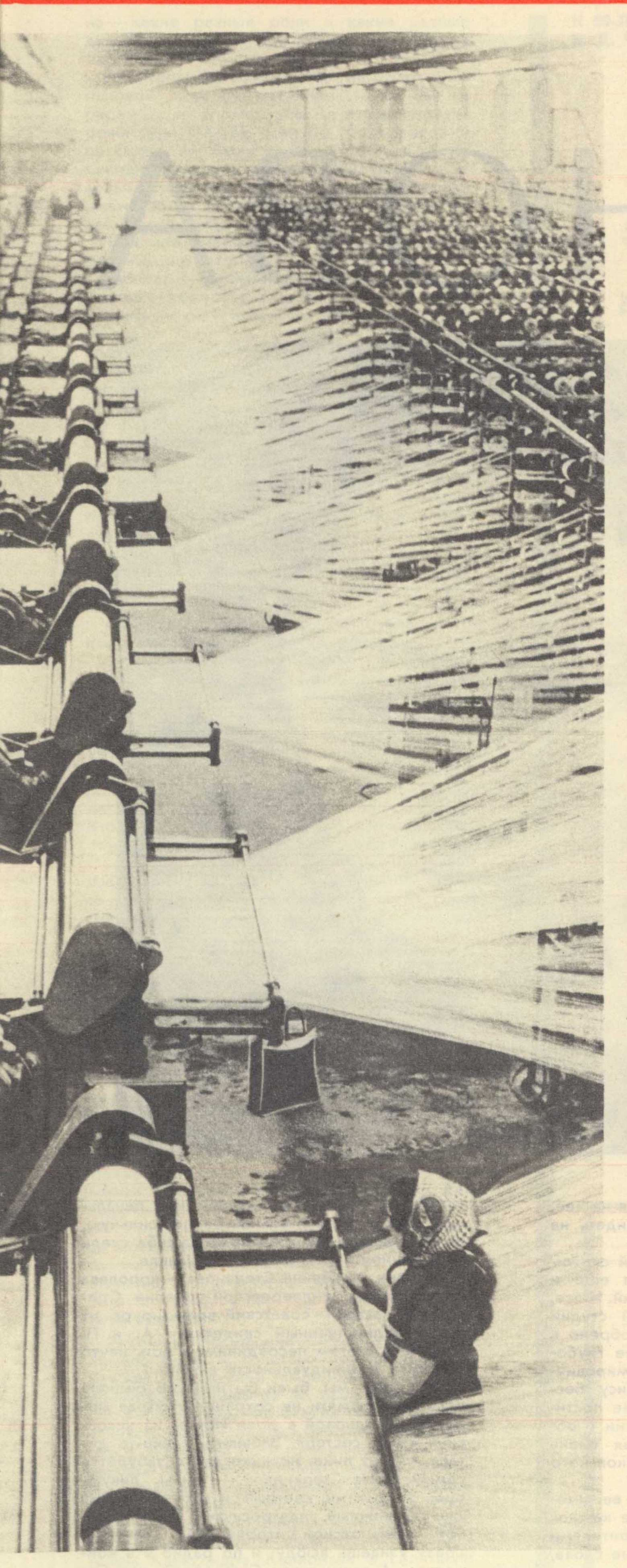
Поездная бригада — товарищи Деркач, Цымбал и Геец — взяла роженицу в паровозную будку. На всех парах поезд помчался к городу. Но случилось непредвиденное: не доехав до Уссурийска, Валентина родила. Роды пришлось принимать паровозной бригаде.

Утром все трое были у дверей больницы. Врач успокоил «крестных отцов». Мать и дочь чувствовали себя отлично. Вот так с первой минуты Наташиной жизни началась дружба паровозной бригады и семьи Колесник. Проезжая мимо разъезда, паровоз Еа-3339 всегда подавал сигнал, словно спрашивал: «Как там наша девочка?»

А девочка росла. Исполнился год — отмечали вместе. Подошло время — проводили в школу. И не только бригада Деркача, все депо считает Наташу своей и шефствует над ней.

Счастья тебе, Наташа!

В. КУЗНЕЦОВ, собкор «Огонька»

ЖИТОМИР

Вступила в строй вторая очередь Житомирского завода химволокна, с пуском которой должно значительно увеличиться производство кордной ткани. Молодой коллектив развернул соревнование за то, чтобы вдвое сократить сроки освоения проектной мощности. Используя накопленный опыт, житомирские химики решили полностью освоить оборудование второй очереди уже в июле.

Фото П. Бойко (ТАСС)

ТБИЛИСИ

Та самая «княгиня Марья Алексевна»

Портрет М. А. Толстой.

Русский отдел Государственного музея искусств Грузии. Со стены строго и властно смотрит пожилая женщина в чепце. Подпись: портрет Е. А. Архаровой. Работа В. А. Тропинина.

— Подпись изменится, она ошибочна.

Это мне говорит старший научный сотрудник музея Нонна Анастасьевна Элизбарашвили. И следует рассказ о том, что атрибуция портрета, то есть установление истинной принадлежности изображенного лица не Е. А. Архаровой, а Марии Алексеевне Толстой, сделана сотрудницей Исторического музея в Москве М. Ю. Барановской. Здесь же, в Музее искусств Грузии, эта работа шла параллельно и несколько углубилась в область родословной графини Толстой. Оказалось, что эта дама высшего света, урожденная княжна Голицына, по материнской линии имеет прямое отношение к Грузии. Мать ее, Анна Георгиевна Грузинская, была внучкой Вахтанга VI, царя-просветителя, вынужденного по политическим соображениям перебраться в Москву. Потомство его уже ассимилировалось в Москве, и изображенная на портрете московская барыня похоронена на кладбище Донского монастыря, где обычно хоронили московских грузин.

Но какие на свете бывают перипетии! Прах грузинской княжны — в Донском монастыре, прах Александра Грибоедова — в Тбилиси, на горе Мтацминда. А ведь именно эту женщину он имел в виду, вкладывая в уста Фамусова ставшие теперь нарицательными слова: «Ах! Боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!» Да, перед нами та самая Марья Алексевна, законодательница общественного мнения.

Сомнению сейчас подвергается и другая сторона вопроса: тропининская ли это работа? Хоть фамилия Тропинина значится прямо на холсте, ее могли подписать позже, и не сам Василий Андреевич, а, скажем, его сын, тоже художник. Однако за авторство В. А. Тропинина говорит прежде всего стилистика портрета. Рассеять сомнения могут химические исследования грунта и красочного слоя и рентгенограмма портрета. Марью Алексевну сняли со стены и подвергли просвечиванию рентгеновскими лучами. Предстоит сличить этот результат с рентгеновскими снимками подлинно тропининских работ.

Ия МЕСХИ

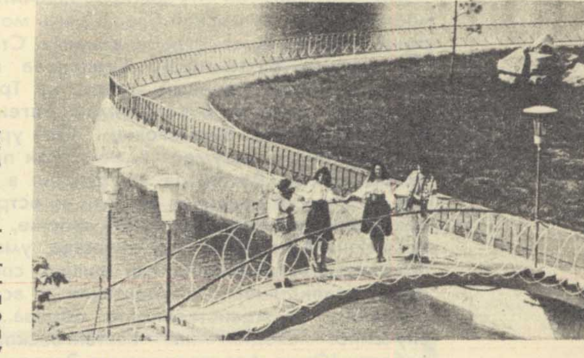
МОЛДАВИЯ

ЕДИНЕЦКИЕ ГОНДОЛЬЕРЫ

Единцы — городок небольшой. Уютные, ровные улицы утопают в тени акаций и тополей, а сквозь буйную зелень проглядывают многоокие громады новых зданий.

Несколько лет назад на одной из сессий исполкома горсовета было решено активнее привлечь жителей города к его благоустройству. Предмет особой гордости горожан — чудесный парк, выросший на месте прежде заболоченного пустыря. Пойма почти пересохшей речки превратилась в цепочку озер, берега которых стянули ажурные мосты. Привольно чувствуют себя в парке косули и лебеди, фазаны и павлины...

— А в скором времени,— рассказывает председатель райисполкома Н. И. Цуркан,— спустим на воду первую гондолу.

— Но гондола без гондольера...
— Отчего же?.. Будут и единецкие гондольеры.

Б. БЕЛЕНЬКИЙ

На снимке: Единцы, зона отдыха.

Фото Б. Копнина.

МОСКВА

В дополнение к напечатанному

В печати уже сообщалось, что в Москве, в районе ВДНХ, началось строительство двадцатишестиэтажной гостиницы Интуриста на 1800 номеров. В разработке ее проекта принимали участие советские, французские и другие специалисты. Контракт на возведение этого здания подписан в соответствии с соглашением, заключенным между советским внешнеторговым объединением и французской фирмой. А как она будет выглядеть, новая гостиница? В «Союзвнешстройимпорте» нам ответили на этот вопрос коротко: «Вот рисунок — такой будет гостиница».

АНГЕЛИНА СТЕПАНОВА

Вл. ПИМЕНОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Фото И. Александрова.

Есть люди, каждая встреча с которыми делает зрителя духовно богаче... Именно такова народная артистка СССР, одна из старейших актрис Художественного театра — Ангелина Иосифовна Степанова, щедро отдающая талант народу.

В Московском Художественном театре немало больших художников, редких актерских индивидуальностей; каждая — целый мир. К их числу принадлежит и Ангелина Степанова, обладающая резко выраженной творческой неповторимостью.

Что же дает ей эту особую значительность, особый актерский блеск? Быть может, сочетающееся в ее судьбе влияние Станиславского и Вахтангова?.. Степанова пришла в Художественный театр из Третьей студии МХАТа, руководимой Евгением Багратионовичем Вахтанговым. Его уроки, его репетиции, разумеется, не могли пройти бесследно. Вахтангов пробуждал в молодых актерах жадную любовь к острому сценическому рисунку, яркой форме, раскрывающей содержание искусства, умение понимать театральность как живую специфику реалистического спектакля и всегда сохранять гражданственность образа... Не случайно находим мы вахтанговское в работах Юрия Александровича Завадского, прошедшего великие университеты Станиславского, создавшего собственную режиссерскую школу и все же остающегося вахтанговцем... Так и Ангелина Степанова, органически войдя в 1924 году в коллектив МХАТа, сохранила драгоценные вахтанговские заветы.

Вахтанговская актриса в Художественном театре — что же, однако, это значит?.. А это значит, что, какую бы роль ни играла Степанова, она всегда как бы чуть-чуть отходит от этой роли, как бы выходит из образа, поглядывая на него словно со стороны, не скрывая своего отношения к нему.

Роли Степановой, всегда глубокие по содержанию, отточены по форме: для нее это понятие единое. Нередко спорят: что важнее — форма или содержание; нередко думают, что активные поиски формы называются формализмом, а стремление постичь содержание есть реализм. Но форма неотрывна от содержания, и активные ее поиски, если они идут ради содержания в искусстве, никак не формальные поиски, а, напротив, такое же существо реализма, как и самый материал искусства: *живая жизнь.*

Для Ангелины Степановой нет дилеммы — форма или содержание, в ее ролях они слиты тесно и прекрасно. Глядя на нее, понимаешь, какого актера хотел видеть на сцене Вахтангов.

Но судьба Ангелины Степановой сложилась так, что в ее жизнь вошел еще и Константин Сергеевич Станиславский. И все, что вынесла Степанова из Третьей студии МХАТа, из вахтанговских уроков, обрело в Художественном театре еще более глубокое звучание. Станиславский и Немирович-Данченко научили молодую актрису бескомпромиссной правде — такому ее постижению во всепоглощающем слиянии с образом, что артистка вахтанговская очень скоро стала ведущей актрисой Московского Художественного театра.

Отличительная черта актрисы — ее умение думать на сцене. Это дано не каждому — умение вести себя перед зрителями так, будто ты говоришь собственные слова, только что рожденные мыслью, подсказанные сердцем. Степанова владеет именно таким замечательным искусством: перед нами всегда художник интеллектуальный; даже самые наивные, недалекие «героини» становятся умнее в исполнении актрисы: она наделяет их своим острым саркастическим умом, сверкающей иронией. И при всем разнообразии характеров, лиц, возрастов, профессий героинь мы вспоминаем одну и ту же женщину — гордую и умную, с трудной судьбой, насмешливую и печальную, порой значительно более сильную, нежели персонаж, с которым судьба свела ее в данной пьесе, данном спектакле...

Сегодня Ангелина Степанова — королева Елизавета из шиллеровской «Марии Стюарт», а завтра — советский врач-хирург из пьесы «Единственный свидетель» А. и П. Тур; но и в этом несоединимом есть нечто общее — индивидуальность актрисы.

Вероятно, мы были бы намного беднее, если бы в памяти не сохранился образ молодой Степановой в роли Ирины из чеховских «Трех сестер». Забылись какие-то детали, чьи-то лица, но никогда не забудется самый голос Степановой — Ирины, ликующий, радостный, светлый и в то же время уже тревожный, надтреснутый, с той особой степановской «горчинкой», которую сразу узнаешь всюду: и по радио и в концерте... А такие роли Степановой, как Софья из «Горя от ума», Зинаида в «Дядюшкином сне», Калерия в «Дачниках»... Ни одна судьба не оставила нас безразличными, равнодушными. И ни одна не была однозначной.

Степанова находит самые резкие грани сценических характеров и самые тонкие нюансы. Расчетливо-холодная, жестокая королева Елизавета и прекрасная в своей юной искренности, доброте чеховская Ири-

на — какие разные роли и какие разные душевные движения актрисе тут надо найти...

Но Степанова никогда бы не стала Степановой, которую мы знаем, если бы ее бережно и трогательно не поддерживала режиссура МХАТа, если бы ее партнерами по сцене не были великие мастера. Ведь Степанова играла с Хмелевым, Добронравовым, Качаловым, со многими другими мхатовскими артистами, чьи имена навсегда вошли в золотую историю мировой сцены.

Поистине незабываемы замечательные сценические дуэты, такие, например, как Степанова — королева Елизавета и Алла Тарасова — королева Мария Стюарт в шиллеровском спектакле. Две королевы стояли на сцене. Королевы актерского мастерства. Ведущие художники советской сцены...

Актрисы обычного уровня, быть может, сыграли бы Елизавету бесчеловечно черной, а Марию — невинно величественной; но не так было на сцене МХАТа. Играя Елизавету, Степанова не забывает, что ее героиня — умнейшая женщина своей эпохи; в ту пору Англия становится могущественной державой. Играя скорбную Марию, Тарасова помнит, что она не просто мелодраматическая красавица, но еще и опытная авантюристка, достаточно искушенная в дворцовых заговорах... Это были не черно-белые характеры; это были диалектически сложнейшие, психологически наполненные судьбы.

И второй классический дуэт: Степанова и Кторов в пьесе «Милый лжец». Своеобразный спектакль в письмах стал для москвичей началом документального театра. По одну сторону сцены стояла Ангелина Степанова, игравшая актрису Кэмпбелл, давнюю любовь и приятельницу Шоу; по другую — сам Шоу в исполнении Кторова. На сцене не было никаких декораций, все шло в сукнах; главное было сосредоточено на этих двух людях. Превосходный артист Кторов поднялся здесь до высочайших степеней мастерства. А как играла Степанова?.. Она играла так, что становилось понятно: Шоу — это не только Шоу сам по себе, со своими парадоксальными мыслями, со своей бессмертной иронией; Шоу — это еще и его окружение, и в частности актриса Кэмпбелл, подарившая ему, быть может, не малую долю того, что впоследствии будет называться талантом Шоу, личностью Шоу...

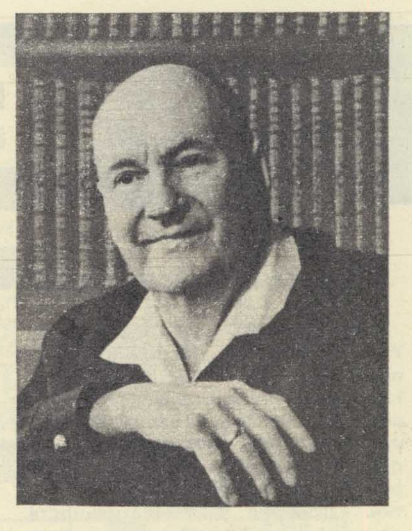
Сравнительно недавно мы видели Степанову в роли Аркадиной в чеховской «Чайке». Есть еще зрители, которые помнят в этой роли Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову, Аллу Константиновну Тарасову. У Степановой — своя Аркадина. Чехов во многом развенчивает этот тип актрисы, этот тип человека — ему ближе искренняя и мужественная Нина Заречная. Не расходясь с Чеховым, Степанова раскрывает в своей Аркадиной все величие старого театра — зрелой профессиональной сцены. Да, будущее за молодыми и трепетными Заречными. Но их творчество невозможно без того мастерства, олицетворение которого — чеховская и степановская Аркадина в мхатовском спектакле.

Ангелина Иосифовна Степанова сыграла немало ролей в советском репертуаре. Ей близок гражданский темперамент советской драматургии. Никогда не была она только профессионалом, но всегда вела большую общественную работу; она не только актриса, художник, но и гражданин. Роли Степановой согреты истинным чувством. Среди них наиболее значительными мы бы назвали такую раннюю работу, как Лида в «Платоне Кречете» Корнейчука, и совсем недавние — врач-хирург в «Единственном свидетеле», Александра Коллонтай в спектакле «Чрезвычайный посол» А. и П. Тур. Образ Кольцовой-Коллонтай особенно удался Степановой; многое разрозненное, не высказанное в других ролях нашло полное воплощение в интересной трактовке Ангелины Степановой.

Ангелина Иосифовна Степанова удостоена высокого звания Героя Социалистического Труда. Так и сложилось это звание — из дней и годов беспрерывного и бескомпромиссного, самоотверженного труда.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Д. ЧЕТВЕРИКОВА

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Есть книги, которые и через многие годы не теряют своего прежнего блеска, не поддаются ржавчине забвения, их перечитывают все новые и новые поколения. Именно таковы многие произведения Бориса Дмитриевича Четверикова. Главное их достоинство заключается в жизненности героев, в их человечности.

Первой значительной вещью Б. Д. Четверикова была пьеса «Антанта», которую молодой писатель издал в 1920 году под псевдонимом В. Изюмов. Успех этой пьесы был обусловлен прежде всего ее злободневностью. «Это была злая сатира «на некоторые иностранные государства», сочетающая в себе черты политического памфлета и буффонады»,— говорит в статье о творчестве писателя А. Хватов.

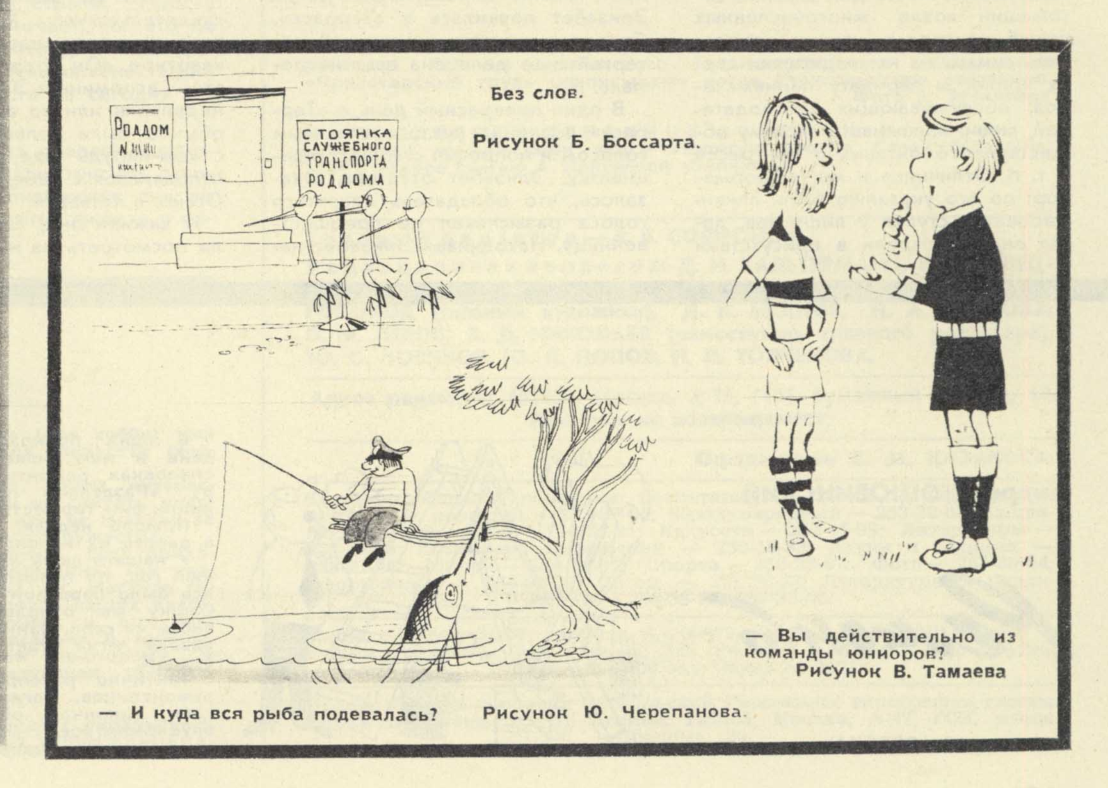
Дальнейшая судьба Б. Д. Четверикова, мужавшего вместе с революцией и гражданской войной, определилась раз и навсегда. Он решил полностью посвятить себя литературе. Литература и привела его, обогащенного опытом жизни, из Сибири и Приуралья в Петроград. Здесь издательство «Прибой» выпускает первую книгу рассказов писателя под названием «Сытая земля» (1924), которая сразу же обратила на себя внимание таких опытных мастеров, как В. Шишков, В. Рождественский, Б. Лавренев, Н. Браун. Бориса Четверикова сблизила с ними литературная группа «Содружество», образованная при журнале «Зори». Входившие в эту группу писатели придерживались в творчестве реалистического направления, всесторонне отражали в своих произведениях современную эпоху. В 1920—1930-е годы одна за другой появляются книги Б. Четверикова, говорящие о растущей творческой уверенности писателя,— «Атава», «Тавро», «Госпожа идеология», «Волшебное кольцо», «Бурьян», «Синяя говядина», «Бунт инженера Каринского», «Афанасий Ковенчук»...

Великая Отечественная война застала Б. Д. Четверикова в Ленинграде. В суровые блокадные дни писатель наравне со всеми ленинградцами делит тяготы и лишения. В 1943 году Театральное издательство выпускает созданную им совместно с И. Груздевым пьесу «Вороний камень», одновременно Б. Четвериков работает над циклом рассказов и очерков «Бессмертие» — о подвигах ленинградцев.

После войны Б. Д. Четвериков вновь и вновь обращается к славным страницам нашего революционного прошлого. Он задумывает эпопею о легендарном герое гражданской войны Котовском. В романе, воскрешающем подвиги бесстрашного комбрига, ощущается глубокий подход к теме великих событий, потрясших мир. Эта книга учит современные поколения несгибаемой воле борца-коммуниста, самоотверженности и Прометеевой стойкости в битве за правое дело. Роман «Котовский» стал одним из значительных историко-революционных произведений советской литературы.

Свой восьмидесятилетний юбилей Борис Дмитриевич Четвериков, автор более чем сорока книг, встречает новыми произведениями, в которых он рисует образы созидателей, защитников Родины, характеры бесстрашные и бескомпромиссные.

Николай НИКИШИН

Без слов. Рисунок Б. Боссарта.

— И куда вся рыба подевалась? Рисунок Ю. Черепанова.

— Вы действительно из команды юниоров? Рисунок В. Тамаева

В. НИКОЛАЕВ

БЛЕСК И НИЩЕТА КОН

ОБРАЗЦОВЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ

Уже двадцать восемь лет назад Уэйн Хейс стал членом палаты представителей США. Времени он там даром не терял и выбился в первый ряд среди своих коллег-конгрессменов, заняв влиятельные посты как в самой палате, так и в руководстве демократической партии. Доверие и признательность пришли к нему недаром: за долгие годы своей политической карьеры Хейс прослыл ярым поборником морали и нравственности, верным охранителем благопристойности и порядка. Он всегда был грозой для тех политиков, которые вдруг попадали в какую-нибудь неблаговидную историю, вступали в противоречие с законом. Против таких отщепенцев Хейс метал громы и молнии, изобличая порок и отстаивая добродетель. Он сам демонстративно называл себя деятелем «не из приятных, высокомерным, сварливым, непокладистым» и при этом еще с гордостью добавлял, что его справедливо характеризуют «безжалостным, бесчувственным, злобным и вздорным».

Что верно, то верно! Хейс зарекомендовал себя весьма взбалмошным и капризным вельможей. Американская пресса называет его «мелочным тираном», которого служащие конгресса «ненавидят больше всех других законодателей» (на 535 конгрессменов на Капитолийском холме работают 18 тысяч человек.— **В. Н.**).

Помимо своих основных обязанностей в конгрессе, Хейс чем только не занимался, во что только не вникал. Будучи председателем административной комиссии палаты представителей, он ворочал большими деньгами и вершил судьбы многочисленных служащих, успевая при этом: лично устанавливать места для стоянок автомашин возле многочисленных служб конгресса, лично определять суммы на командировки своих коллег и зарплату парикмахеров, обслуживающих законодателей, лично налаживать систему общественного питания в конгрессе и т. п. Отличился и как реформатор: по его указанию были ликвидированы стулья у лифтеров, дабы они не сидели в присутствии конгрессменов. Короче говоря, Хейс в свои 65 лет был законодателем вполне искушенным и вполне образцовым.

ЕЩЕ ОДНА БИОГРАФИЯ

Элизабет Рей с грехом пополам окончила школу в 1962 году. Мечтала стать актрисой или на худой конец манекенщицей. Не вышло. Была агентом по продаже авиационных билетов, официанткой, клерком в конторе по сдаче автомашин на прокат. В середине 60-х годов объявилась в Вашингтоне в качестве старшей официантки в одном ресторанчике. Его хозяин вскоре уволил Элизабет за крайнюю нерадивость и не совсем благопристойное поведение.

После этого она некоторое время состояла при одном вашингтонском адвокате. Последний вспоминает: «Элизабет не отличалась особым интеллектом. Когда я брал ее куда-нибудь с собою, я всегда предупреждал ее, чтобы она не раскрывала рта. Но она сплошь и рядом забывала об этом предупреждении».

От адвоката Элизабет ненадолго перешла к другому деловому человеку, владельцу ресторана. Приревновав его к другой девице, Элизабет слегка попортила автомобиль соперницы и попала за это под суд. Приговор, правда, был условным.

Год 1972-й стал переломным в ее биографии. В то время она снова работала старшей официанткой, на сей раз в ресторане «Терраса», расположенном в фешенебельном столичном комплексе Уотергейт. Да, да, в том самом Уотергейте, где разразился политический скандал, в результате которого Америка лишилась своего президента. Кстати, начался этот скандал именно в 1972 году, когда Элизабет появилась в «Террасе». Совпадение чисто внешнее. В уотергейтское дело она еще не попала. Но...

В один прекрасный день в «Террасу» позвонил некто с властным голосом и попросил старшую официантку. Элизабет ответила. Оказалось, что обладатель властного голоса разыскивал ее предшественницу. Находчивая Элизабет напросилась к нему на свидание. И не прогадала! Оказалось, что она наконец-то вышла на крупную дичь — конгрессмена Кеннета Грея. О нем она была уже наслышана, «о его лимузинах, яхте, обворожительности, изысканных туалетах», как вспоминает ныне сама Элизабет.

Уже после их первой встречи Грей предложил ей секретарскую работу в своей приемной. Как признает Элизабет, она так и не смогла даже научиться печатать на машинке. Тем не менее среди служащих американского конгресса она задержалась прочно.

В 1974 году Грей ушел в отставку, но об Элизабет не забыл. Рекомендовал ее своему коллеге, уже упоминавшемуся нами выше Уэйну Хейсу.

Так судьба свела двух таких, казалось бы, разных людей: солидного, чрезвычайно строгого законодателя и девицу весьма легкого поведения.

ЗА СЧЕТ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Когда Грей представил Элизабет Хейсу, последний тут же пригласил ее отужинать. После ужина конгрессмен отправился к ней домой, где и задержался. Уходя затем, он с присущей ему деловитостью заявил: «Приходи ко мне в офис завтра, помалкивай, слушайся меня во всем, а я буду платить тебе одиннадцать тысяч долларов в год. Если вдруг окажется, что ты умеешь хоть что-нибудь делать, будешь получать двенадцать тысяч». Оказалось, что делать Элизабет не умеет ничего. Тем не менее вскоре она получала уже 14 тысяч. Но не из кармана Хейса, а из государственной казны, так как числилась сотрудницей аппарата Хейса.

Правда, кое-какие обязанности у нее все же были: как она сама свидетельствует, Хейс один-два раза в неделю навещал ее в ее квартире. «Он предпочитал делать это,— вспоминает Элизабет,— в понедельник или во вторник. И мне обычно было нелегко уединиться с кем-нибудь еще, пока Хейс не отправлялся к себе домой, в штат Огайо, в четверг».

И зажили они, как голубки, если посмотреть на них со стороны. Сама же Элизабет сегодня так вспоминает о своих интимных встречах с Хейсом: «Если бы я могла, я каждый раз завязывала бы глаза, затыкала бы чем-нибудь уши и делала бы себе обезболивающий укол».

В остальном же на жизнь Элизабет пожаловаться не могла. На своей службе она почти не появлялась, предпочитая в рабочее время слоняться по магазинам. Свободно распоряжаясь своим временем, Элизабет познакомилась со многими законодателями. Один из них, конгрессмен Голдуотер (сын небезызвестного сенатора Барри Голдуотера), увидел в ней погибающий талант и свел Элизабет с деловыми людьми из мира искусства. Весной 1975 года она направилась в Голливуд, но, увы, карьеры там сделать не смогла и вскоре вернулась к Хейсу в прежнем качестве (включая и официальную зарплату).

СКАНДАЛ

Постоянное общение с конгрессменами, видно, вскружило голову Элизабет. Возомнила она о себе. И устроила грандиозный скандал. То ли нечаянно, сгоряча, то ли намеренно, с дальним прицелом.

Ее любвеобильный шеф путался еще с одной своей сотрудницей по имени Пэт Пик и, похоже, запутался до того, что решил на ней жениться. Намерения у него оказались весьма серьезными: он развелся с женой, с которой прожил 38 лет. На свою свадьбу с Пет Хейс почему-то Элизабет не пригласил, и тут она вознегодовала: «Я была достаточно хороша для того, чтобы быть его любовницей в течение двух лет, но оказалась недостойной того, чтобы быть приглашенной на его свадьбу!»

Это ее высказывание так и осталось бы всплеском женских эмоций, не будь оно произнесено перед репортерами из газеты «Вашингтон пост». Специально встретившись с представителями прессы, Элизабет рассказала им не только о Хейсе и о себе, но и о других конгрессменах и их сотрудницах, получающих в американском конгрессе зарплату за весьма своеобразную деятель-

---

Андрей КОЦЮБИНСКИЙ

Ремонт

ЮМОРЕСКА

В один прекрасный весенний день к нам пожаловали люди в спецовках ремонтировать квартиру. «Разделаем под орех!» — заявили они торжественно.

Прошла неделя, третья, месяц, а работе их не видно было конца.

У нашего сына закончился учебный год. Но поскольку в квартире все было перевернуто вверх дном, Сашку мы отправили к деду и бабке на село. Каникулы ведь! Нам вдвоем легче будет пережить этот бедлам.

Тактично расспрашивали мы у ремонтников, когда же они все-таки закончат обновлять наше двухкомнатное гнездышко. Мастера обещали, заверяли, принимались за дело с утра, но вскоре их либо забирали на другие объекты, либо они сами куда-то исчезали. Мы уже не сдерживались, роптали и в то же время привыкли к новому быту. Он постепенно даже начал нам нравиться. Не надо было мыть полы, выколачивать ковры и дорожки, стелить и убирать постели (жена спала в коридорчике на раскладушке, я — в ванне), готовить обед (воду перекрыли, газ тоже), стирать, гладить (пользовались услугами прачечного комбината). Питались в столовой, в кафе. В ресторане с большим удовольствием слушали местных солистов, даже танцевали.

Что касается кинотеатров, то мы

ГРЕССМЕНОВ

ность, которая ничего общего со служением государству не имеет.

И задрожали стены на Капитолийском холме. Да и как тут не задрожать! Элизабет доложила журналистам, что у нее есть записанные на магнитофонную пленку разговоры с Хейсом и другими законодателями, которые ее регулярно поодиночке навещали. Она ставила магнитофон под свою кровать, о чем ее визитеры не догадывались. Элизабет также подключала магнитофон к своему домашнему телефону, когда говорила с неравнодушными к ней законодателями. Как утверждает Элизабет, все пленки находятся в надежном месте. Под их защитой она, естественно, чувствует себя в безопасности, чего о ее друзьях-конгрессменах не скажешь.

В связи с этим скандалом называют имена более крупного калибра, чем Хейс. Так, стало известно об оргиях, которые Хейс и другие устраивали в «Отделе образования» (!), подведомственном спикеру палаты представителей Карлу Альберту. Так ли это? Во всяком случае, Альберт вдруг заявил, что собирается в отставку, поскольку ему уже 68 лет. По поводу оргий под его крышей он сказал: «Если это правда, то я никогда не слыхал о них». Однако Альберт тут же вызвал своего первого помощника и приказал немедленно сменить замок в «Отделе образования».

СЛАВА ПО-АМЕРИКАНСКИ

Огромная слава, пусть, на наш взгляд, и сомнительного свойства, но слава по всем законам американской жизни, пришла к Элизабет. И со всеми, как говорится, вытекающими последствиями. За десятками ее фотографий и интервью последовали деньги. Сегодня она появляется на людях в сопровождении личной обслуги: литературного агента, психиатра, адвоката и медсестры.

Да, и литературного агента! Скоро выйдет ее книга. Журнал «Тайм» так пишет об этом событии:

«Хотя автобиографическая книга Элизабет Рей являет собой страшную порнографию — настолько ее много, что делается скучно,— она тем не менее выходит в следующем месяце в издательстве Дэлл паблишинг компани и, разумеется, причинит в Вашингтоне немало беспокойства. Автор утверждает, что все события и персонажи книги реальны, только имена героев изменены».

Последнее сделано из чисто юридических соображений: чтобы автора, то есть Элизабет, потом не преследовали в судебном порядке оскорбленные в своих лучших чувствах конгрессмены, которые и под псевдонимами легко угадываются. Вот несколько рекламных описаний выходящей книги:

«Сенатор Синсиа (в переводе с английского — искренний.— В. Н.): Характеризуется как выдающийся легендарный законодатель, заслуживающий самых высоких должностей в государстве. Сенатор Синсиа встречает Элизабет на Капитолийском холме, потом звонит ей домой и приглашает в свои вашингтонские апартаменты, когда его жена находится в отъезде. Как только Элизабет приходит к нему, они, разумеется, сразу же приступают к причудливым сексуальным удовольствиям. Элизабет сознает, что ею пользуются, как вещью, но тем не менее она довольна, ибо спит на подушке без пяти минут президента США».

«Сенатор Плейя (игрок.— В. Н.): Лихой молодой человек, который нравится Элизабет тем, что происходит из известной семьи, имеет хорошую фигуру. Как только его жена и дети уезжают за город, он приглашает к себе Элизабет, и догадайтесь, что потом происходит!..»

«Конгрессмен Брайт (яркий.— В. Н.): Нанимает Элизабет за счет налогоплательщиков в качестве сексуальной приманки для других конгрессменов, от которых Брайт ждет той или иной выгоды».

И так далее и тому подобное...

Тираж книги еще печатается, а уже выпущены и продаются нагрудные значки с изображением Элизабет. И чем больше нарастает ее американская слава, тем глубже погрязают в бесславии ее бывшие шефы, официально избранные хозяева страны. Пресса справедливо отмечает, что это не первый и не последний скандал такого рода в Вашингтоне. Один из многих, просто на сегодня самый громкий...

В который раз опадает мишурный блеск с вашингтонских законодателей, и обнажаются они во всей своей духовной нищете и неприглядности.

тут сделали подлинное открытие. Оказывается, их в нашем небольшом городке восемь. За дни капитального ремонта мы просмотрели немало фильмов, побывали несколько раз на концертах артистов-гастролеров. Даже футбольные матчи не пропускали. Как это ни странно, в нашем городке есть прекрасный стадион. А также музей, картинная галерея, парк с аттракционами, чудесный пляж, тир...

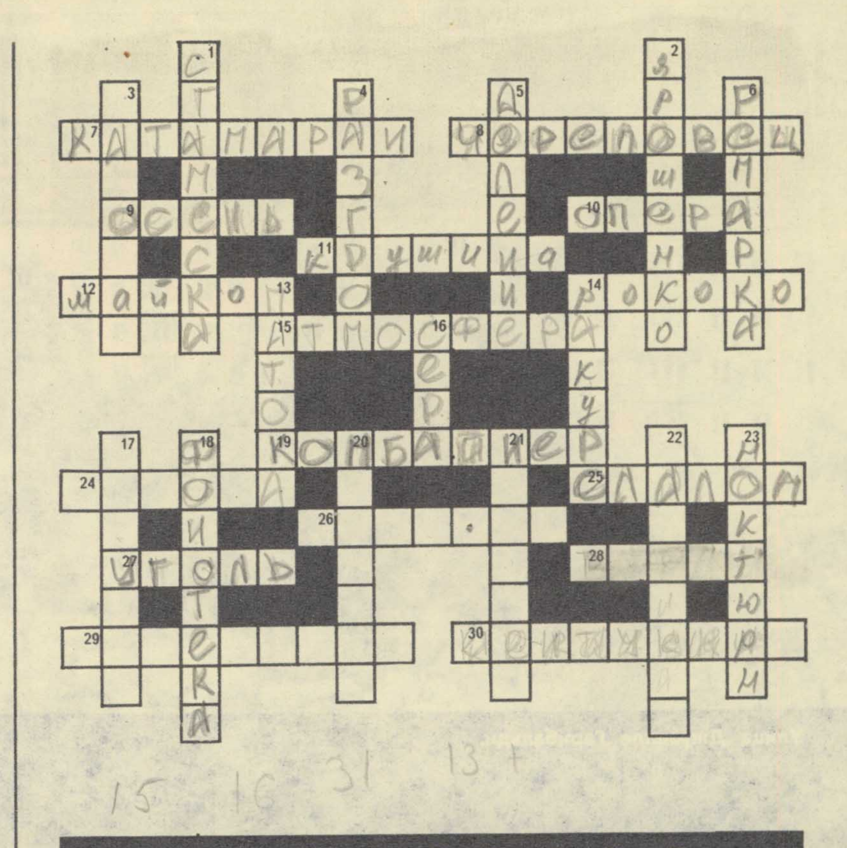
Да мы и друг друга прямо-таки не узнавали. Во-первых, обнаружили у себя разные способности. Во-вторых, не пререкались, как прежде, кому бежать за молоком или колбасой, не спорили, что смотреть на голубом экране телевизора — футбол (мое хобби) или концерт мастеров искусств (хобби жены)...

Одним словом, такой интересной жизни (если не считать медовый месяц) мы еще не знавали за все двадцать лет супружества.

Но, как говорится, беда приходит нежданно-негаданно. Так свалилась она и на нас. Местная газета раскритиковала наших благодетелей-ремонтников, и они взялись за дело всерьез и сообща.

Теперь живем по-старому. И мечтаем о следующем ремонте.

Перевела с украинского Изида НОВОСЕЛЬЦЕВА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Судно, имеющее два корпуса. 8. Город в Вологодской области. 9. Время года. 10. Музыкально-драматическое произведение. 11. Лиственное дерево, кустарник. 12. Центр автономной области в РСФСР. 14. Стилистическое направление в европейском искусстве XVIII века. 15. Газообразная оболочка Земли. 19. Водитель сельскохозяйственной машины. 24. Река в Забайкалье. 25. Спортивное состязание на лыжах. 26. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». 27. Твердое топливо. 28. Кондитерское изделие. 29. Рассказ М. А. Шолохова. 30. Штат в США.

По вертикали: 1. Столярный инструмент. 2. Автор картины «Кочегар». 3. Птица семейства соколиных. 4. Роман А. А. Фадеева. 5. Математическое действие. 6. Пояснение в пьесе. 13. Сахаристый продукт. 14. Изображение фигуры или предмета в перспективе. 16. Химический элемент. 17. Приток Днепра. 18. Собрание звукозаписей. 20. Порода овец. 21. Советский писатель. 22. Гриб. 23. Этюд для пения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

По горизонтали: 2. «Барсуки». 7. Грамм. 8. «Шурале». 9. Елогуй. 12. Малица. 14. Нарзан. 16. Крапивник. 18. Филармония. 19. Экспедиция. 21. Термостат. 24. Невада. 26. Платон. 27. Гривна. 28. Каучук. 29. Шрифт. 30. Палитра.

По вертикали: 1. Шостакович. 3. Алгебра. 4. Камерун. 5. Ферма. 6. Гоген. 10. Кассиопея. 11. Бадминтон. 13. Иоканга. 15. «Родинка». 16. Клодт. 17. Капот. 20. Топонимика. 22. Ромашка. 23. Трактор. 25. Афины. 26. Почка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: За разрядку и разоружение! Рабочие московского производственного объединения «Пролетарский труд» подписывают новое Стокгольмское воззвание.

Фото Э. Эттингера

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Иллюстрации к якутскому героическому эпосу «Нюргун Боотур Стремительный». (См. в номере статью А. Коптяевой «Олонхо».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 21/VI — 1976 г. А 00673. Подп. к печ. 6/VII — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1790. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2421.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Улица Джузеппе Гарибальди.

Я. БЕРЛИНЕР

Фото автора

Москва — столица Мира и Дружбы всех народов Земли. И многие улицы и площади нашей столицы по праву носят имена выдающихся деятелей революционного движения разных стран и разных эпох.

Одна из московских улиц названа именем народного героя Италии — Джузеппе Гарибальди.

Это прекрасная улица: очень красива и удобна для жителей — все это я знаю, потому что сам живу на ней.

В недавнем прошлом здесь, километрах в пятнадцати от центра Москвы, были деревенские избы, поле, лес. После войны на этом месте вырос новый район — с многоэтажными домами, просторными улицами, площадями. Район называется Черемушкинский.

Черемуха — символ нежности. У нас живут в ладу с природой: около каждого дома много зелени, цветов. Через всю улицу идет ухоженный бульвар с клумбами и песочными площадками для малышей. Хозяйственные дела решаются тут быстро и без хлопот. Очень удобно и с транспортом.

Главный архитектор района Тамара Мацкевич посвятила меня в план будущего строительства на улице Гарибальди. Уже разрабатываются чертежи Дома книги, Дворца бракосочетаний, Института театрального искусства и других архитектурных сооружений. Наш район застраивается по строго продуманному плану, составленному так, чтобы не нарушать гармонию архитектуры и природы.

Молодежь нашей улицы хранит и множит традиции дружбы народов разных стран. Несколько лет назад в школе № 28 был открыт интернациональный клуб имени Пальмиро Тольятти. Школьники — активисты клуба собирают материалы об итальянских и советских участниках Сопротивления и ведут с ними переписку. Среди многих писем — письмо итальянского школьника Сантони Фабиано из села Кастельнуово деи-Саббиони. В письме Сантони рассказывает о том, как бережно школьники села ухаживают за могилой советского воина Николая Буянова, сражавшегося вместе с итальянскими друзьями против фашистов.

Итальянские студенты, обучающиеся в МГУ, — частые гости школы № 28. Один из них, Энцо Моккьютти, руководит группой ребят, изучающих итальянский язык. Школа эта — постоянный подписчик итальянской газеты «Патрия» («Родина»), издаваемой бывшими участниками Сопротивления, она — коллективный член общества дружбы СССР — Италия. Вот так, с малых лет, наши дети воспитываются в духе интернационализма, в духе уважения и любви к другим народам мира.

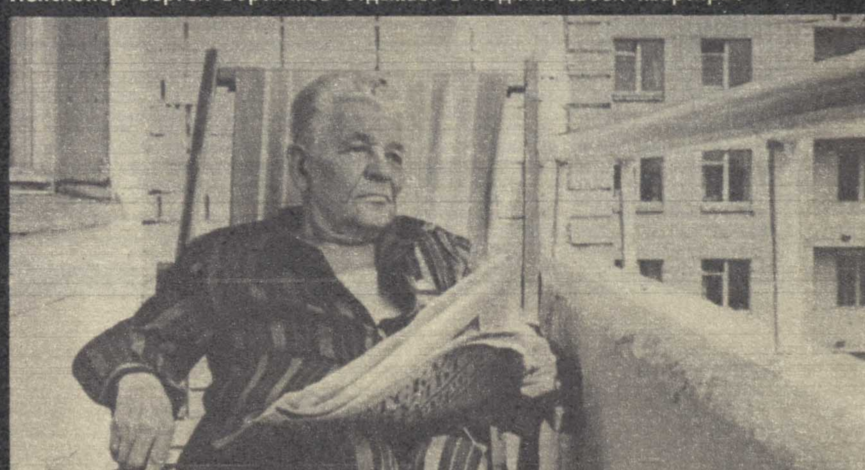

Возле каждого дома — стоянка личных автомобилей.

Кинотеатр, станция метро, рынок — у них одно имя: «Черемушки».

Пенсионер Сергей Бортников отдыхает в лоджии своей квартиры.

УЛИЦА ГАРИБАЛЬДИ

Юный «гарибальдиец».

Школа № 28.

На уроке рисования в школе № 28.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.